Издание „МОСПОЛИГРАФ". Цена 20 коп. в черв. исчисл.

ОГОНЕК
№ 34.

XX 287/147

НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СБОР!

Территориальные сборы являются первой стадией перехода от постоянной армии к милиционной армии. Сейчас на двухнедельный учебный сбор призывается рабочая и крестьянская молодежь. На нашем снимке—молодой крестьянин, направляющийся к сборному пункту.

Фото-этюд для „Огонька" А. Самсонова

Московское Об'единение Государственных Предприятий Полиграфического Производства

„МОСПОЛИГРАФ“

об'единяет крупнейшие и лучшие в СССР типографии, хромо-литографии, переплетно-брошюровочные фабрики, фото-цинкографии, фабрики конторских книг и рекламных плакатов.

Срочное и художественное исполнение всевозможных типографских, литографских, переплетных и др работ производится под особым техническим руководством и контролем в специально выделенной группе нижеследующих предприятий:

№№ предприят.	ВЫПОЛНЯЕМЫЕ РАБОТЫ.	АДРЕС.	Телефоны:
3	Типография и ф-ка конторских книг.	Грузины, Охотн. пер., д. № 5/7.	2—01—25 1—80—20
5	Типография, хромо-литография и переплетно брошюров.	Покровка, Мыльник. п., д. № 14.	18—35
6	Типография и ф-ка конторских книг.	Мясницкая, Кривоколенный п., д. № 10.	1—74—65
7	Типография, хромолитография, переплетно-брошюровочная и цинкография.	Арбат, Филипп. пер., д. № 11.	17—83 1—44—15 1—50—01
10	Типография и переплетно-брошюровочная.	Чистые пруды, д. № 8.	42—19
13	Типография, переплетно-брошюров. и цинкография.	Петровка, д. № 17.	42—50 58—92
16	Типография, хромо-литография, переплетно-брошюровочная, цинкография, специальное афишное и билетное отделения.	Тверская, Трехпрудный пер., д. № 9.	57—57 68—99
26	Типография, хромо-литография и переплетно-брошюровоч.	Кузнецкий мост, д. № 13.	95—91
27	Типография и переплетная ф-ка.	Остоженка, д. № 10.	71—92 2—24—78
39	Типография и переплетно-брошюровочная ф-ка.	Страстной бульв., Путинков. пер., д. № 3.	1—23—73 1—71—03
	Облаточная фабрика—Металло-графика (барельефный) способ печатания художественных реклам, календарных стенок, парфюмерных, аптекарских и всевозможных других этикетов, **картонажное отделение**.	Новослободская, 55.	83—13

Заказы принимают (высылают также специальных представителей по телефонным вызовам):—Правление „**Мосполиграфа**“—Пименовская, 1/16, тел. 1-38-25, 1-38-41; Коммерческий Отдел—Тверская, 48, тел. 46-34, 67-02 и все предприятия, входящие в специальную группу, по вышеуказанным адресам.

Председатель Правления
и Директор Распорядитель „**Мосполиграфа**“ *Н. Поляков.*

Центральная лечебница врачей специалистов.

Мясницкие Ворота, № 28; трамвай А, Б, 4, 6, 34.

Внутренние с 9-ти утра до 9-ти вечера; зубные: искусственные зубы 10 утра—9 веч., хирургические 11—8; уха, горла, носа: 10—9; детские 9—7; нервные 3—8; женские 11—9; глазные 11—2, 4—8; желудочные 10—1, 5—6; туберкулезные 4—7; анализы крови, мочи, мокроты, кала, желудочного сока и пр.

Кожное, венерическое, мочеполовое отделение с 9-ти утра до 9-ти веч. По воскресеньям и праздникам с 9-ти час. утра до 2-х час. дня.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ.

ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

д-ра ВАЙНШТЕЙНА

М. Дмитровка, д. 8, кв. 20.

Прием по сифил., венер., мочеполовым, ежедневно во всякое время мужских и женских.

Еженедельный Иллюстрированный
ЖУРНАЛ
ОГОНЕК

РЕДАКЦИЯ: МОСКВА, Тверская, Козицкий пер., 2. Телеф. 1-09-28 и 86-87.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Пименовская, 16. Телеф. 1-38-25 и 1-38-41.
Телеграфный адрес: „Москва—ОГОНЕК"
Цена объявлений: 1 стран.—36 черв., 1/2 стр.—18 черв., 1/4 стран.—10 черв., 1 строка монп. в 1 кол.—50 черв. коп. На обложке на 50% дороже. Среди текста — в 2 раза дор. Сверх тарифа 10% налога.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На октябрь, ноябрь и декабрь по 70 к. зол. (в месяц). За границей на 1 мес.—1/2 доллара, 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на „Огонек" принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

№ 34. 18-го ноября 1923 г. № 34.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
Ар-4453-XCVII

Искупить этот миг не достоин,
Каждый взляд, каждый помысел,—жизнь;
Пусть закат—окровавленный воин
Незаметно исчезнет во ржи.

В тишину эту вылился весь я,
Скоро, зорко уставясь в зенит,
Бубенцами зелеными месяц
Над моей головой прозвенит.

Я нашел бе предельное счастье,
Я постиг откровенье души,—
Надо выкипеть огненной страстью
И к полям и к гуденью машин.

Ночь проходит деревней, как инок,
А в душе все светлей и светлей;
Разве хуже Смоленский суглинок
Чернозема Тамбовских полей.

Завтра буду я в лязге и вое
Вспоминать под машинную дрожь,
Как закат—окровавленный воин
Тихо падал в звенящую рожь.

В. Александровский.

Женитьба Джона Грегера.

Рассказ *Ильи Ренца.*

1.

Джон Грегер решил жениться.

Ему был 21 год. Консерватория, в которой он обучался игре на скрипке, предрекала ему всемирную славу. Из Бразилии ежемесячно приходил в Вену на имя Джона Грегера пакет с родительскими наставлениями и 75 долларами.

И к тому и к другому Джон Грегер относился с почтением. Советы старых фермеров прятал в стол, доллары их тратил на театр, ноты и помощь нуждающимся товарищам. Это был скромный юноша, чуждый благам европейской культуры, взявший от нее одно: скрипку. Ее он любил, как возлюбленную, с вдохновением неутоляемой страсти.

В четверг, 22 апреля, сидя с молодыми венцами, коллегами по консерватории, в кафэ, Джон Грегер впервые ощутил у ноги неизъяснимую сладость.

Поднял голову. Увидел большие серые глаза, над которыми томно вздрагивали длинные крылья ресниц. У плеча Джона Грегера теплилась грудь молодой девушки, подававшей кофе. Но самое радостное плыло оттуда, из-под стола, потому что колено девушки коснулось его руки.

Джон Грегер нагнулся к уху Франца Краузе и сказал:

— Я хочу жениться на ней.

Краузе спросил:

— На ком?

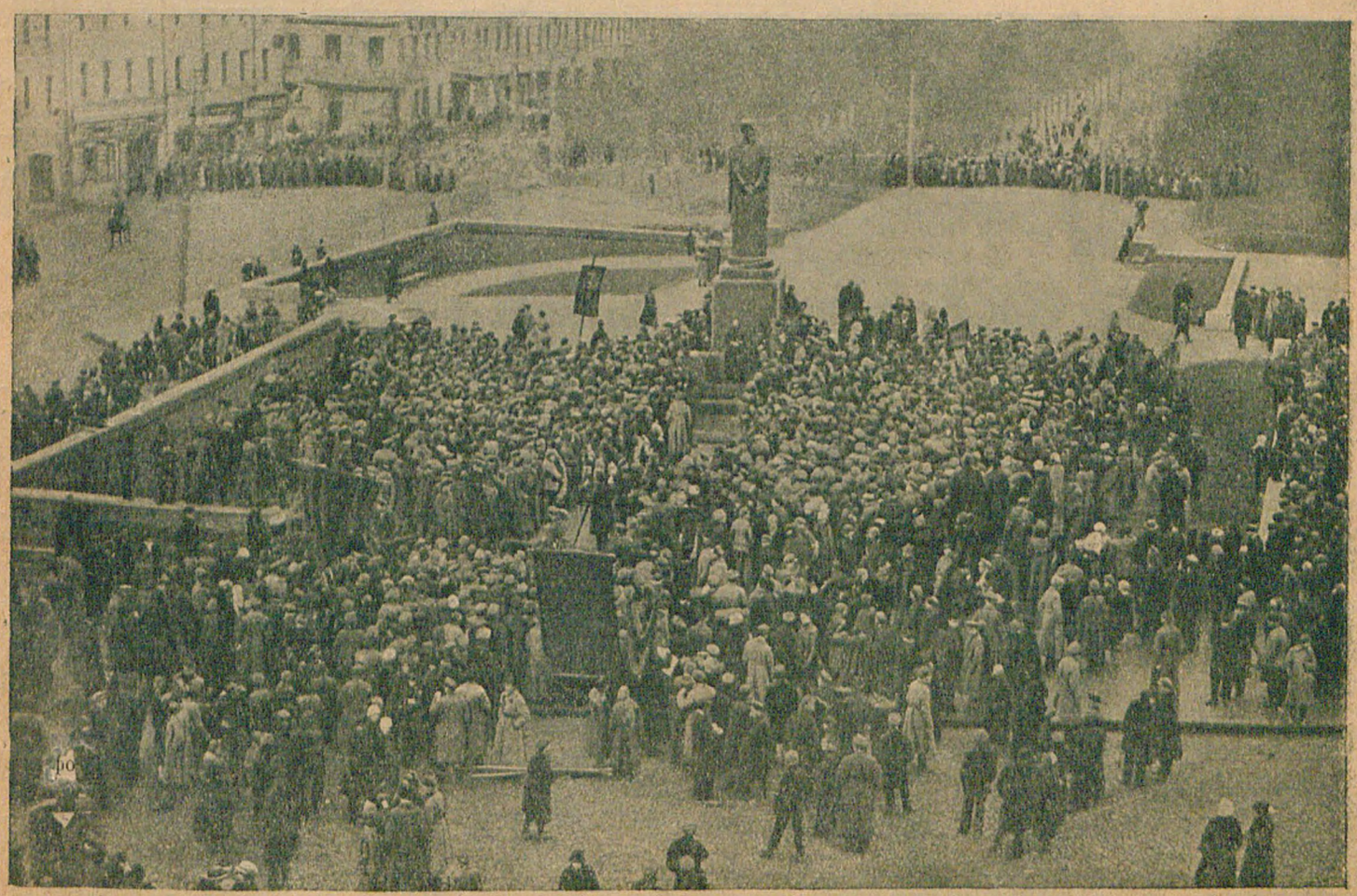
Джон мигнул вслед уходящей кельнерше.

Краузе затянулся трубкой, потом лениво и доброжелательно согласился:

— Женись. Кстати, я не отдам Минди 2 гульденов, которые остался ей должен.

Москва. Открытие памятника К. А. Тимирязеву.

Фот. А. Самсонова.



Торжество открытия памятника К. А. Тимирязеву в Москве, у Никитских ворот.

Открытие памятника К. А. Тимирязеву.

Фот. А. Самсонова.

Фигура К. А. Тимирязева—работа скульптора Н. Меркурова.

Когда закрывалось кафэ и Мицци выходила вместе с подругами в большой голубой шляпе, чтобы пройтись еще по ночному бульвару, из-под яркого белого фонаря вынырнула фигура Джона Грегера.

От конфуза обмочив лаковые ботинки свои в весенней лужице подле тротуара, Джон снял котелок и попросил фрейлейн Мицци на пару слов.

Девушка без удивления отошла от подруг и взяла Джона под руку. Он сказал ей, что хотел бы жениться на ней. Мицци рассмеялась, словно рассыпала серебро, теснее прижала к себе локоть юноши и повела к дому. На лестнице Джон спросил еще, не надо ли оповестить о браке ее и его родителей, но Мицци снова рассыпала губками серебро и нашла, что это излишне.

Утром, проснувшись в широкой пухлой постели, Джон Грегер блаженно зажмурился и потянулся к Мицци: ее не было.

Джон нашел ее вскоре в кафэ, деловито препирающуюся с хозяином из-за какого то счета. Молодой скрипач терпеливо сел к столу и ждал утреннего приветствия жены. Но она, рассерженная хозяином, порывисто подавала кофе на соседние столики и словно не замечала Джона. К нему подошла другая кельнерша, и он дал ей заказ. Недоумение его все ширилось, не находя никакого разрешающего предела.

Наконец, Джон нерешительно тронул проходящую Мицци за рукав:

— Мицци, дорогая... что с тобой?

— Ах, это ты, вороненок... со мной ничего. А что?

— Значит, ты... не хочешь быть моей женой?

— Сегодня нет,—ответила Мицци.—Я занята.—Потом, подумав, прибавила:—и завтра нет. И после-завтра. В понедельник приходи, если хочешь.

И она убежала, потому что у окна настойчиво стучал ложечкой о стакан толстый седой коммерсант.

Джон Грегер понял, что он не женат, и понуро направился в консерваторию. Но отныне жадная любовь его к скрипке раздвоилась.

Он с такою же силой хотел и жениться.

К. А. Тимирязев.

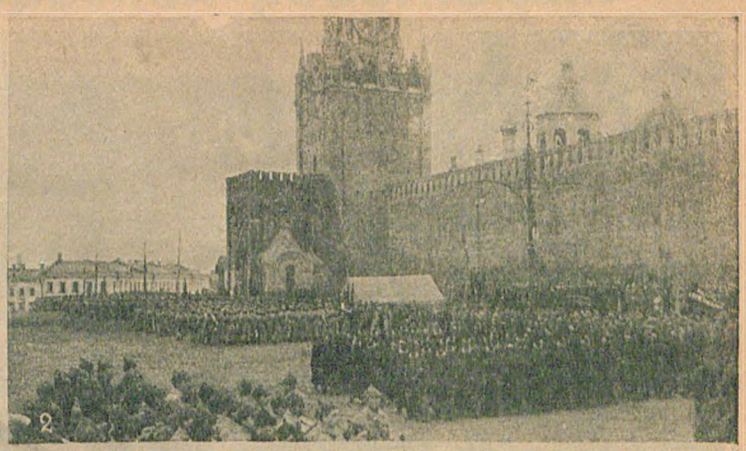
Ученый снят в костюме доктора Оксфордского университета.

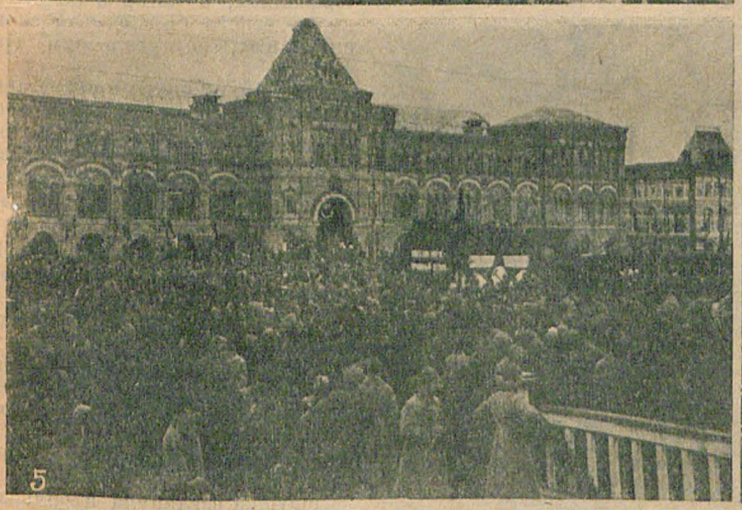
Шестилетие Октябрьской революции.

Фот. А. Самсонова.

Л. Б. Каменев принимает парад на Красной площади.

Шестилетие Октябрьской революции.





1. Л. Б. Каменев в сопровождении Э. М. Склянского, С. С. Каменева, Н. И. Муралова, С. Буденного, В. Коларова и других обходит части. 2 и 3. Войска проходят по Красной площади. 4. Артиллерия на тракторах. 5. Рабочие колонны. 6. На трибуне: слева—М. И. Калинин. Справа: 1) Орлеанский, 2) М. Богуславский, 3) Г. Землячка, 4) Н. Бухарин, 5) Михайлов, 6) М. И. Рогов.

3.

Наблюдая необычную рассеянность и сжалившись над одиночеством бразильца, Франц Краузе пригласил его к себе.

Делал он это чрезвычайно редко, потому что родители Франца не были общительными людьми, и старинные кресла их квартиры не любили новых неожиданных прикосновений.

После обеда в гостинной Джон Грегер играл на скрипке, а ему аккомпанировала прелестная Фанни Краузе, младшая сестра Франца. Вдруг Джон сделал ошибку, заглядевшись на круглый розовый локоток девушки и, вздохнув, отложил смычек.

Фанни ласково улыбнулась высокому смуглому юноше, сложила аккуратно ноты, и вышла, волнуясь. Джон поклонился спине старого Краузе, чистившего у камина свою трубку, и прошел в комнату Франца. Горничная пришивала пуговицу к надетому на нем пиджаку, а Франц перелистывал пока номер юмористического журнала.

— Я хочу жениться на ней,—нагнулся Джон к уху Франца.

— Она, кажется, замужем,—спокойно отвечал Франц.—Не правда-ли, Берта?

Старая горничная подняла свое зеленое морщинистое лицо, ничего не поняла, на всякий случай обиделась, молча оборвала нитку и вышла.

— Я хочу жениться на твоей сестре,—печально пояснил Джон, и, наученный опытом, добавил:—совсем жениться, чтобы она не уходила.

Франц подумал

— Твой отец, кажется, очень богат?—спросил он.

— У нас не очень, а у вас очень,—ответил Джон.—Он привык, что его 75 долларов в месяц возбуждают здесь всеобщую зависть.

— Что же, начни ухаживать за Фанни,—протянул Франц.—Утебя деньги и талант. Есть шансы.

— Я хочу сейчас жениться на ней,—ответил Джон.—Скажи ей, что я хочу сегодня.

— Да, может быть, ты не нравишься ей,—рассмеялся Франц и с любопытством потрогал бицепсы бразильца.

— Я нравиться, — болезненно поморщился Джон оттого, что Франц так ненужно затягивал дело.

В это время мать нервным окриком вызвала Франца из комнаты, и бразилец, предоставленный самому себе, подошел к окну и замечтался.

Завтра утром золотистая ласковая Фанни не оставит его в постели одного, они будут вместе пить кофе, потом он веселый пойдет в консерваторию и, как прежде, не станет делать непростительных для будущего маэстро ошибок...

Франц быстро и хмуро вошел в комнату нахлобучил на свою и приятеля головы котелки и вывел Джона из дому, не говоря ни слова.

Джон Грегер уже понял, что он снова не женат, когда Франц Краузе, точно сжалившись над его горьким, почти плачущим, мальчишеским ртом, резко остановился на углу тротуара и сказал:

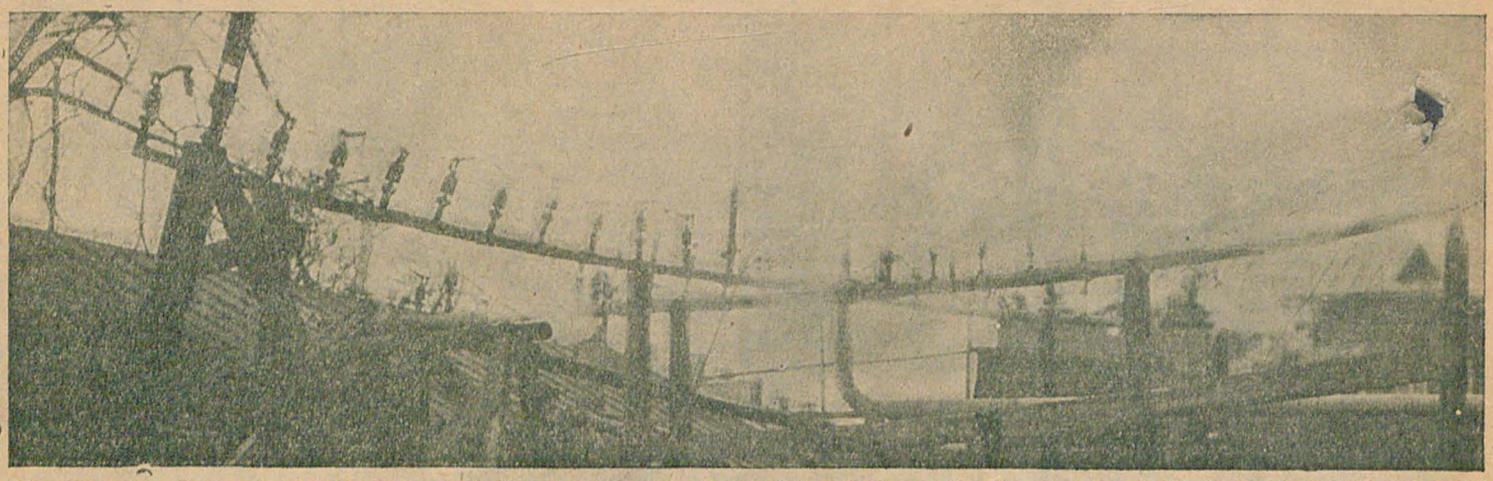
— Ты протестант. А у нас католический дом. Мать боится, что девчонка увлечется тобой. Ты нравишься Бетти, понимаешь?

К удивлению Франца Джон радостно закивал головой:

— И Бетти нравишься. Не надо мать. Не надо протестант. Не надо католик.

СИМФОНИЯ ГУДКОВ.

Фот. А. Самсонова.



К годовщине Октября пролеткультом были установлены в Москве на фабричных вышках музыкальные гудки, исполнявшие «Интернационал».

Надо жениться. Поди скажи ей, чтоб сейчас.

Франц поцеловал ошеломленного бразильца в губы, потом свирепо плюнул в его же сторону:

— Иди ты к черту, дуралей.

И, не прощаясь, зашагал обратно.

4.

Джон Грегер ничего не понимал.

С одной стороны он слишком хотел жениться. И это было необходимо: иначе он не сможет, как следует, заниматься в консерватории, и пропадет все, о чем говорили профессора, товарищи и даже после экзаменов написала одна газета. Все они видели в Джоне Грегере будущего лауреата, маэстро, знаменитость и великого артиста.

С другой стороны такая простая вещь, как «жениться» встречала совершенно неожиданные препятствия. Барышне Мицци мешал кафэ или други свидания. Барышне Фанни мешала мать или то, что она католичка. Непостижимая страна!

Но Джон Грегер добьется своего. Он женится во что бы то ни стало. У Джона Грегера будет своя жена, как была у его деда и у его отца. И с той сладостью, которую Джон почувствовал впервые в кафэ, когда Мицци стояла возле него, с другой этой сладостью он не расстанется больше никогда. Так решил Джон Грегер, великий артист, и так будет!

Джон отправился в оперный театр, чтобы там сегодня же выбрать себе жену.

Сначала ему понравилась примадонна, рослая, полная женщина в ассирийском костюме, и Джон, едва дождавшись антракта, отправился за кулисы. Его не хотели пропустить в женские уборные и на шум вышел режиссер. Не смотря на то, что Джон Грегер самым отчетливым образом ему пояснил, зачем он должен видеть артистку в ассирийском костюме, режиссер не только не посочувствовал молодому бразильцу, но, наоборот, вскипел и приказал пожарному выпроводить этого пьяного человека за дверь. Можно было подумать, что Джон хочет сжечь артистку или бросить ее через оркестр на балкон. Он хотел, ведь, просто жениться на ней, что могло быть и для нее так же приятно, как и для него. Страна безнадежно сумасшедшая! Одна Мицци проявила еще признаки кое-какого здоровья...

Джон Грегер вернулся в партер и, опустошенно озираясь по сторонам, приметил в ложе секретаря бразильского посольства в обществе двух изящных, сильно декольтированных и сверкавших бриллиантами, дам. Джон оживленно закивал головою и направился к ложам.

Знакомый секретарь вышел из ложи, приветливо поздоровался с юношей и повел его к дамам, чтобы похвалиться талантом, дарованным миру его родиной, прекрасной и далекой Бразилией, о которой он столько чудесного рассказывал своим спутницам, португальским графиням.

Мать благоволила к секретарю. Джону Грегеру понравилась дочь, и, когда началось на сцене действие, он нагнулся над розово-мраморным плечом и, вдыхая весенний аромат духов, прошептал:

— Я хочу жениться на вас.

Молодая графиня вскинула на юношу лучистые глаза и улыбнулась:

— Мне говорили, что вы артист и оригинал.

Она опять повернулась к сцене, когда почувствовала горячее дыхание у левого уха и на локте своем жаркую руку:

— Уйдем отсюда и будем муж и жена.

Девушка взглянула в большие молящие глаза Джона, потом порывисто поднялась и ушла вглубь ложи. К ней тотчас же приблизилась мать, и они взволнованно зашептались.

Спустя минуту секретарь пристыженно говорил Джону в коридоре:

— Что вы сделали со мной! Разве девушкам говорят такое?

— Я не знал, что девушке жениться нельзя. Я хотел на ней жениться.

— Вам надо лечиться, — ответил секретарь.—Она дочь графа и миллионера. А вы ничто и нищий.

— Я артист, — ответил Джон Грегер, но секретарь уже не слышал его, ибо торопился вернуться к обиженным дамам.

Джон Грегер понял, что в опере он жены не найдет, и уныло поплелся к меблированным комнатам, в которых проживал одиноко.

5.

Вчера, в четверг 22 апреля, Джон Грегер решил жениться, Сегодня уже пятница 23 апреля, а Джон еще не женат.

Это грустно, нелепо и не-

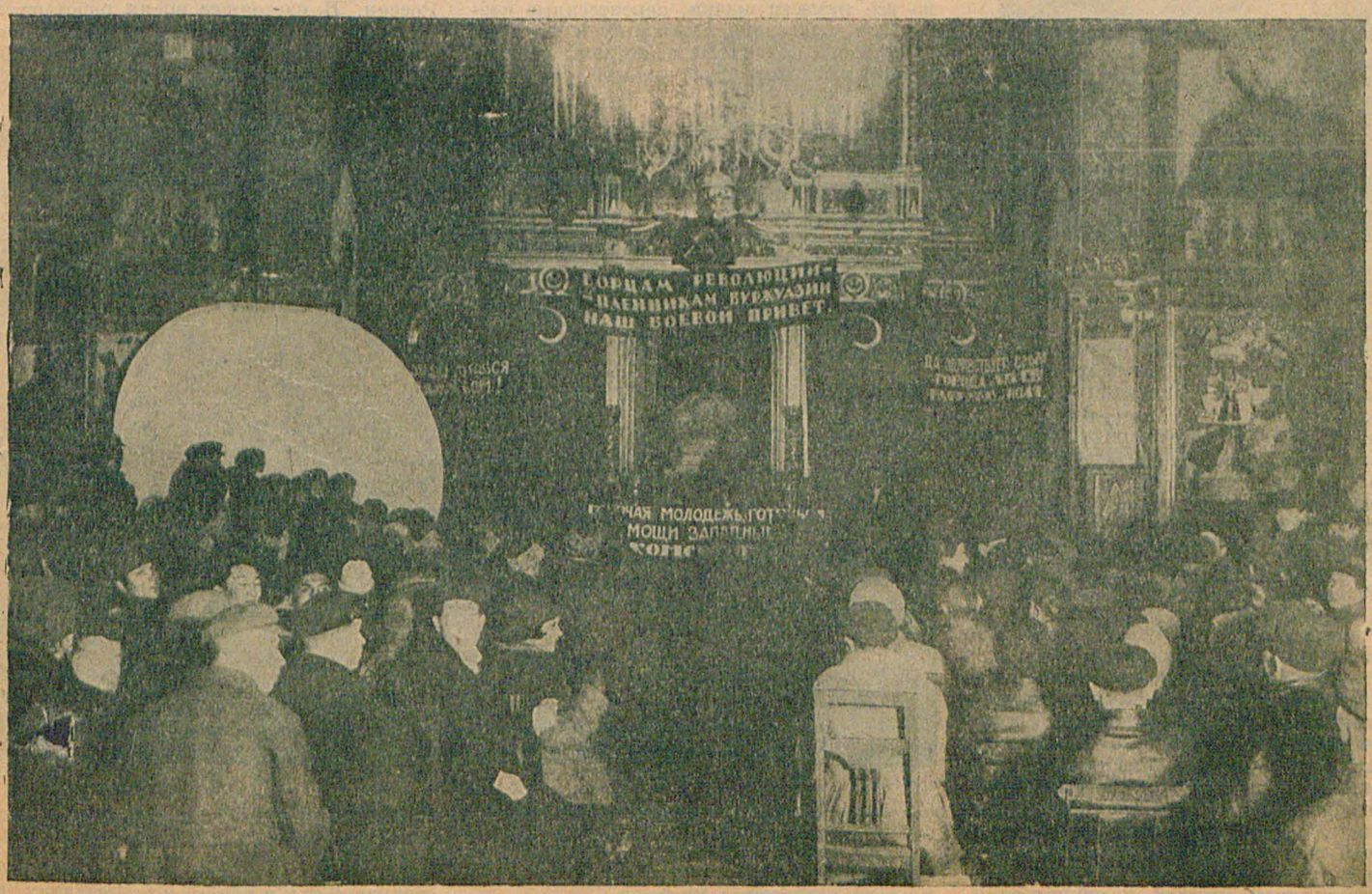
Симфония гудков

Управление гудками по специальным нотным записям.

Шестилетие Октябрьской революции.

Фот. А. Самсонова.

Шествие рабочих на Красной площади мимо статуи-памятника рабочего.



Где прежде была церковь. Вечер воспоминаний в клубе комсомольцев.

выносимо. Джон Грегер был скрипач, и думать он не любил, даже не умел, но теперь он задумался невольно. Случай был слишком необыкновенный.

Когда бразильский мальчик, сын никому неведомых фермеров, захотел играть на скрипке, пред ним открылись океан, Европа, Вена, консерватория... Ему доступны важные профессора, ему подчиняется скрипка, ему предрекают величие и славу. Все склонилось пред сыном бразильских фермеров...

А тут такая простая вещь—жениться. И все заперто для него. Все против него. Нельзя. Джон Грегер не примирится с этим никогда. Он не хочет этого принять. Он женится сегодня же, сейчас же.

Бразилец вышел из своей комнаты и прошел по коридору на кухню, чтобы попросить кухарку согреть для него на спиртовке кофе.

Кухарки не было, а вместо нее сидела молодая, неуклюже по крестьянски одетая, девушка и, хрустя крепкими красными пальцами, скучала.

— Кто вы,—спросил ее Джон, и она ответила кротко:

— Сестра вашей кухарки. Приехала из деревни места искать. Третья неделя. Плохо!

Румяное простое лицо девушки было доверчиво обращено к Джону, и она сообщала ему незнакомому, как родному:

— Сами знаете. Отец помер, помощи нет. Для дому я спорая, а мужа не нашла...

И она улыбнулась застенчиво, обнажая крепкие белые зубы. Они понравились Джону Грегеру, потому что напоминали ему о ферме, о здоровых громоздких конях, о сильных и потных работниках в общей трапезной...

Джон положил руку на круглое плечо девушки и ласково—громко сказал:

— Я хочу жениться на вас.

Она испуганно воззрилась на него, но, увидав широкое приветливое лицо над нескладным крестьянски-могучим торсом, почему-то сразу поняла многое и поверила, что он «свой».

— Я тоже замуж хочу,—домашне сказала она и, зардевшись, легонько отстранила его руку...

Джон Грегер женился в тот же день. Через год старые бразильские фермеры получили внука. А еще через год, когда репортер одной чикагской газеты, сверкая белой грудью манишки, спрашивал прославленного скрипача:

— Какой момент вашей жизни вы считаете самым счастливым?

Маэстро откинул со смуглого лба упрямую прядь и сказал:

— Это было на кухне. Сидела девушка с красными пальцами. Имени ее я не знал и попросил ее быть моей женою...

— Сенсация!—восторженно скрипел карандашем репортер и хотел интервьюировать дальше. Но в дверях просунулась женская голова и послышался улыбчивый голос:

— Брось глупости, Джон. Надо маленького купать, а он без тебя не дает мылить спинку...

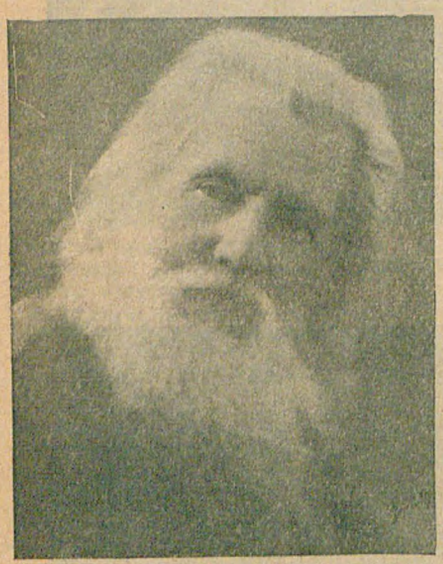
Репортер раскланялся и побежал в редакцию сообщить, что шестой концерт великого Грегера дал снова переполненный сбор и что маленький Грегер не желает купаться без отца.

Илья Ренц.

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА-КРЕСТЬЯНИНА.

В декабре месяце текущего года исполняется 75 лет со дня рождения и 50 лет литературной деятельности поэта-крестьянина Спиридона Дмитриевича Дрожжина.

В Твери, родном городе поэта, организован Комитет по чествованию Спиридона



С. Д. Дрожжин. Последний портрет.

Дмитриевича, который 19-го декабря устраивает празднование юбилейных годовщин с участием местных учреждений и литературных организаций г. Твери и Москвы.

Спиридон Дмитриевич родился 6 декабря 1848 года, в деревне Низовке, Тверского уезда, в бедной крестьянской семье. На седьмом году поэт учился у своего дедушки церковной грамоте и письму, а на десятом году был отдан для дальнейшего обучения грамоте к местному дьячку. С двенадцати лет мальчика увозят в Петроград, где он поступает в трактир мальчиком, получая за это 2 рубля в месяц жалованья. Живя в Петрограде, Спиридон Дмитриевич много читал и занимался самообразованием. Писать стихи начал рано. Первые попытки его поэтического творчества были в 1865 году, а в 1873 году в декабрьской книжке народного журнала «Грамотей» было напечатано его первое стихотворение: «Песня про горе добра-молодца». С этого времени начинается его кипучая литературная деятельность, которая и протекает до сих пор, сопутствуемая постоянной нуждой и трудностями.

В 1903 году, в декабре месяце «Кружком писателей из народа», в Москве, было отмечено 30-летие его литературной деятельности, а в 1913 году 12 декабря было устроено празднование 40-летней литературной деятельности поэта, в Литературно-Художественном Кружке тоже в Москве.

За эти 50 лет кипучей литературной работы Спиридон Дмитриевич печатался во всех журналах, в том числе и в так называемых «толстых», а, главным образом, в детских. Написал более 15 книг стихотворений и был переведен на немецкий язык.

С 1896 года поэт постоянно живет у себя в деревне и до смерти жены (1918 г.) занимался крестьянством.

В бурные годы революции и в тяжелые годы гражданской войны Спиридон Дмитриевичу пришлось, как и всем гражданам, испытать и холод и голод и забыть на некоторое время свою музу. Но несмотря на все тяжести жизни, перенесенные поэтом, он, благодаря бережному к нему отношению и поддержки со стороны местной губернской Советской власти, пережил все лишения, работал и благополучно дожил до редкостных дней.

Тиха и скромна жизнь поэта в деревне. Живет Спиридон Дмитриевич с 16-летней внучкой, которая, со дня смерти его жены, заменяет хозяйку: готовит, производит разную домашнюю работу. Принимает участие в разрешении мирских вопросов и часто является ходатаем от своей деревни в различных земельных и других тяжбах с другими деревнями. Пользуясь широкой популярностью среди местного крестьянского населения, к нему очень часто обращаются за всевозможными советами, на которые он всегда бывает отзывчив и оказывает свое содействие сам или направляет с письмами к своим друзьям. Одно время он был в деревне сельским старостой и был избран в волостной Исполком, но в котором участие не принимал по болезни. В последние два — три года поэтом написано много новых стихотворений, изображающих новую жизнь обновленной Советской России. В настоящее время работает над своей личной перепиской с друзьями писателями, заканчивает свои воспоминания о И. З. Сурикове и уже закончил подбор стихов для печатания полного собрания сочинений (в 3-х томах) и попрежнему продолжает петь свои задушевные, бесхитростные песни.

С. Д. Дрожжин в своей библиотеке в Твери.

Иностранцы и русское радио.

Граф Арко в Нижнем.

Очерк члена Гос. Ученого Совета проф. *С. Левитина.*

Пользующийся мировой известностью научный исследователь в области радиотехники, инженер д-р граф Арко, основатель Науэнской радио-станции и радиосети и главный директор О-ва «Телефумкен» во время своего недавнего пребыва-

Встреча графа Арко на вокзале в Н.-Новгороде коллегией радио-лаборатории.

ния в Москве (3—18/X 23 г.) прочел ряд публичных лекций и научных докладов (в Политехнич. Музее на тему: «Радиотехника и интернационализм», в Социалистич. Академии: «Монизм и атеизм», в Доме Ученых по инициативе «Рори» на тему: «Новейш. завоевания радио-техники»).

Граф Арко вместе со своим ассистентом известным исследователем-изобретателем, д-ром Майснером, осмотрели Московскую Радио-станцию Коминтерна (Гороховская), Ходынскую станцию и Электро-физический Институт, а по приглашению *А. И. Рыкова* они посетили 15-го октября и *Радио-лабораторию в Нижнем-Новгороде*, где детально ознакомились с опытами и работами проф. Лебединского и проф. Бонч-Бруевича.

Отзыв графа Арко, которого радио-инженеры России чевствовали, как своего учителя, является в данном случае не только весьма лестным и поучительным для блестяще выдержавших экзамен учеников, но чрезвычайно интересным и для широкой публики.

Граф. Арко находит, что успехи в России, о которых он имел слабое представление по скудным отчетам в европейск. специальной печати, превзошли всякие ожидания.

Самое серьезное впечатление произвела на гр. Арко нижегородская радио-лаборатория, в особенности привели его в восторг исследования Бонч-Бруевича. Здесь достижения российской радио-техники поднимаются до общеевропейского уровня, а в некоторых случаях, как наприм., в области типового лабораторного производства катодных ламп Бончэ-Бруевича,—и превышают его.

Тем ощущительнее те недочеты и отдельные моменты отсталости в общем ходе развития русск. радио-техники, системе ее организации и е производства, недочеты, вполне естественные и неизбежные при недостатке материалов и отсутствии налаженных непосредственных сношений с научно-техническими силами Европы. Но тем более настойчива необходимость выравнивания достижений Российской радио-техники во всех областях и во всех отношениях до общеевропейского максимума. Только тогда можно будет подниматься и дальше этого вверх по пути развития не случайными скачками и порывистыми взлетами, а планомерно, научно выверенным движением, всем фронтом.

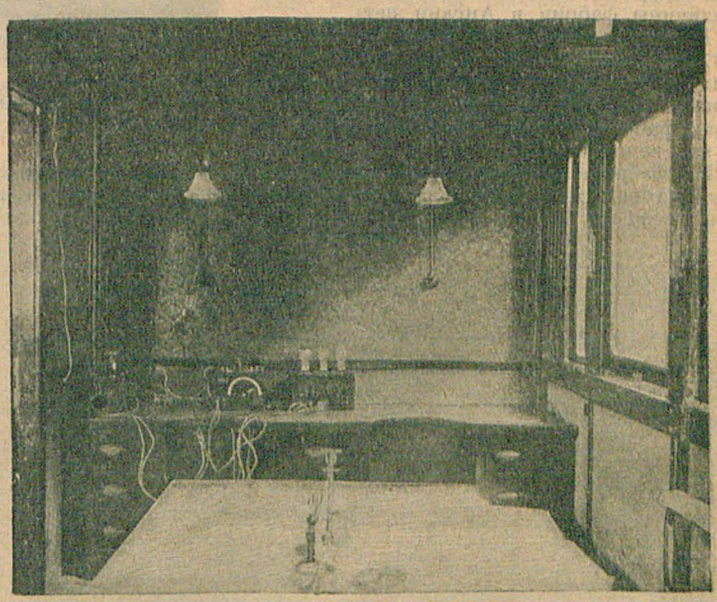
Весьма лестное мнение высказал гр. Арко и о работоспособности русских рабочих, которых он видел на производстве радио-лаборатории: максимальные достижения российск. радио-техники следует приписать, по его мению, не только таланту и изобретательности русских инженеров, но и не в меньшей степени—и поразительным способностям, сноровки и—в некоторых случаях—прямо таки виртуозности русского кустаря-рабочего. В то время как в Германии, рассказывает граф Арко, они два года подряд бились над процессом спайки платинового кольца со стеклом (в производстве катодных ламп)—и это несмотря на усовершенствованное машинное производство и новейшие инструменты и методы работы,—русские кустари-стеклодувы, работающие у инженера Бонч-Бруевича, сразу справились с этой технически весьма трудной задачей:

«Честь и слава русскому кустарю, безценному сотруднику науки».

Подкупающее впечатление произвел на наших европейских гостей, между прочим, и вагон радио-станция Наркомпочтеля, в котором они ездили в Нижний и обратно (см. рисунок). «В то время как в Германии уже заметны зачатки транспортной разрухи, отвинчивание ручек и арматуры в вагонах и т. д. в России восстанавливается разрушенное и вагоны блестят чистотой и порядком».

С. Левитин.

В радио-лаборатории прсф. Бонч-Бруевича. В первом ряду справа налево: граф и графиня Арко, зам. наркомпочтеля т. Либович. Во 2-м ряду: д-р Майснер, прсф. Левитин и прсф. Бонч-Бруевич.



Внутренний вид вагона радио-станции Наркомпочтеля.

ГОРОДА СССР.—Тверь.

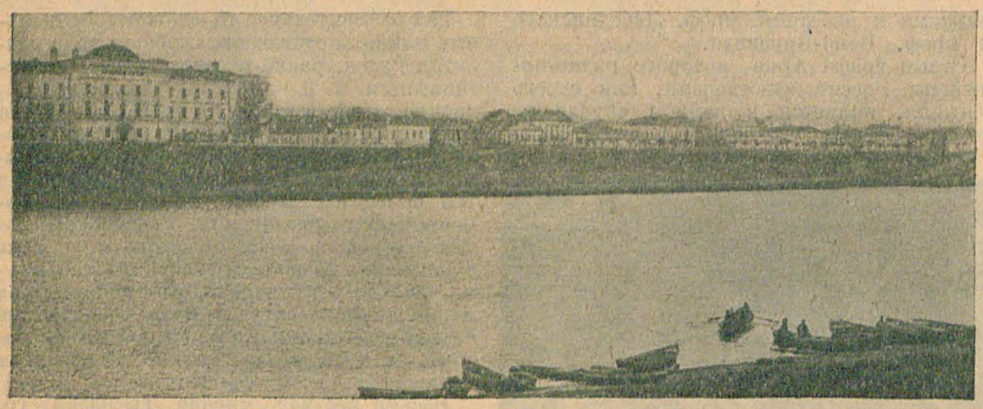
От тверского корреспондента „Огонька". Снимки А. Тачалова.

Если вы подъезжаете к Твери по Октябрьской ж. д. со стороны Питера, то вам броса тся в глаза грандиозная панорама фабричного городка «пролетарской мануфактуры», или как ее называют проще—«Пролетарка». Пролетарка расположена по обе стороны р. Тьмаки между городом и железной дорогой, и представляет собой действительно свой отдельный мирок, где во многих отношениях лучше живут, чем в самом городе: на Пролетарке чистота и порядок, в то время как даже в городской части, в центре, по какой нибудь Семеновской улице (ныне ул. им. Каляева) часто не пройдешь и не проедешь, особенно после дождя. На «Пролетарке»—электричество круглые сутки, а в городе электротрест прекращает ток в два часа ночи, а иногда заставляет «сумерничать», не давая тока во время по вечерам.

Поэтому рабочие любят свою фабрику и гордятся ею: недавно приезжавшему в Тверь члену исполкома Коминтерна тов. Стюарту с любовью были показаны все уголки. И как были довольны тверские рабочие, когда тов. Стюарт сказал: «такой величины фабрик в Англии нет»...

В самом деле, фабрика, основанная в 1875 г., имела в мирное время 1200 рабочих и служащих, а сейчас около 9000. Она со всеми вспомогательными и жилыми (для рабочих) зданиями занимает около 2 кв. верст пространства.

На фабрике лучший, вернее, единственный в городе театр, ибо нельзя же назвать театром 1-ый государственный (б. Общественное собрание) только потому, что там имеется постоянная сцена. Тверяки не собрались построить в городе театра—у прежних «отцов города» то недосуг, то времени не было. Больше жертвовали на поминовение, да и то медяками.

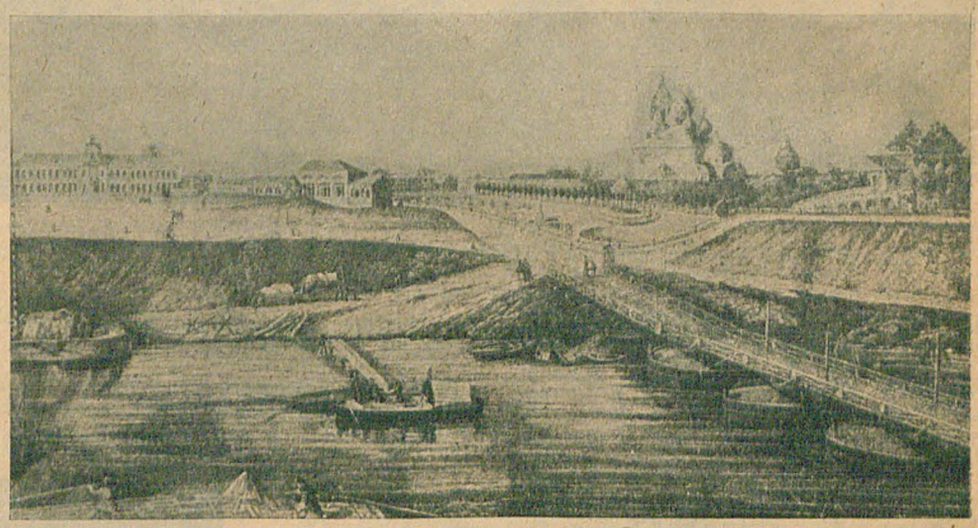


Вид р. Волги и набережной городской части. С левой стороны — здание института для физических способов лечения.

Производительность пролетарской мануфактуры растет из месяца в месяц, а качество товара уже сравнялось с довоенным.

Вокзал октябрьской жел. дороги отстоит от города на расстоянии 1½ верст. До города трамвай и грязное шоссе, прорезающие только летом. Продолжением шоссе от начала города служит улица Урицкого, которая и приводит к центру города—на площадь «Правды». Это одно из самых красивых мест города. Окаймляющие площадь здания образуют правильный восьмиугольник, отчего и площадь называлась раньше попросту восьмиугольной.

На площади «Правды» улица Урицкого пересекается под прямым углом Советской улицей. Это—главная артерия города и называлась раньше Миллионной. Большинство каменных домов этой улицы выстроены еще при Екатерине II после пожара 1763 г., уничтожившего почти весь город. Предание говорит, что на застройку Миллионной улицы было выдано из средств казны миллион рублей. Известный же цирковой артист Владимир Дуров утверждает, что улица получила свое название оттого, что на ней не менее миллиона пудов грязи.



Тверь 40-х годов прошлого столетия. Снимок с современной картины, находящейся в музее.

Действительно Советская улица является участком шоссе Петербург—Москва, почему и изобиловала ямами и грязью. И только при Советской власти часть улицы замощена, а в будущем году эта работа будет окончена.

По улице расположены главнейшие учреждения и лучшие магазины—Губсоюза, Тверторга, Твердежды, издательства «Октябрь» и т. п.

Через два квартала от площади Правды к востоку расположена площадь Советская. Здесь—здание губисполкома (б. губ. земская управа) и почта. На этой площади разыгрался кошмар 1905 г.: погром земской управы черносотенцами при благосклонном внимании губернатора Слепцова.

На противоположном—западном—конце Советской улицы находятся здания: Губсовпартшколы, дворца (в нем помещается историко-археологический музей, богатейшая губернская библиотека) и промышленный техникум.

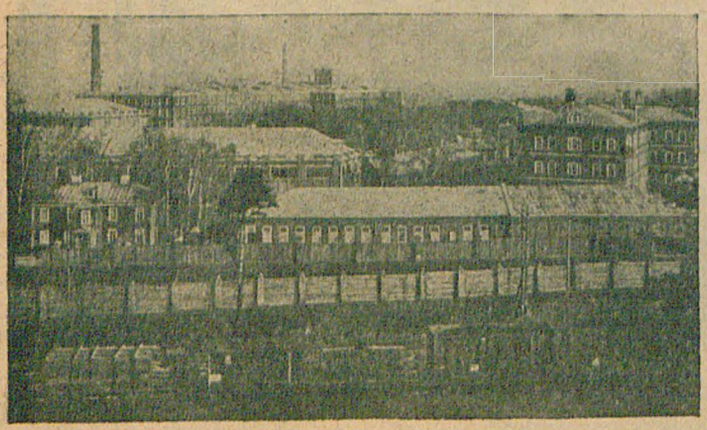
Во дворце останавливались проезжавшие через Тверь «высокие» особы. Иногда весенняя или осенняя распутица и отсутствие переправы через Волгу задерживали их на три—четыре дня.

Из других улиц городской части выделяются: набережная р. Волги с чугунной решеткой работ 40-х годов прошлого столетия; улица Володарского—единственная улица города с зеленью, так как дома отделены от тротуаров широкими палисадниками и... все.

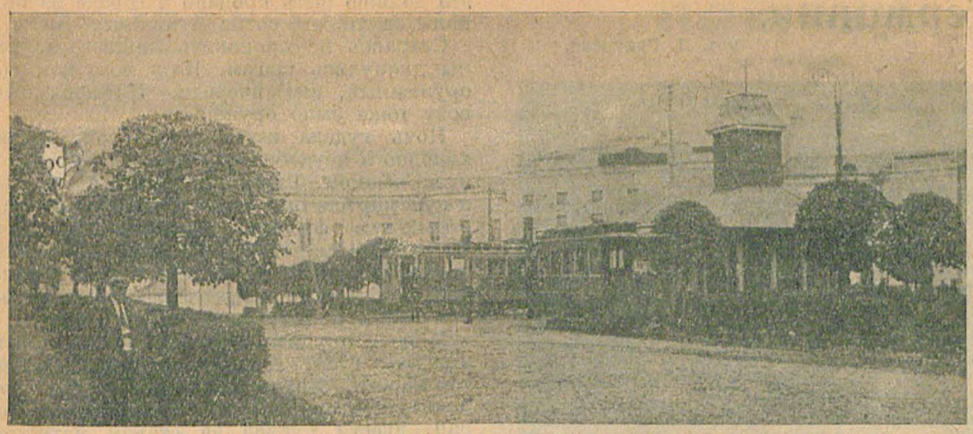
Небольшая Гальянова улица называется так по имени Гальони,—ресторатора, «воспетого» Пушкиным. Остановившись у Гальони—в лучшей тогда гостинице—проездом из Петербурга, Пушкин писал своему другу Соболевскому:

«У Гальони (или Кальони)
Закажи себе в Твери
С пармезаном макороны
Да яичницу свари».

По Советской улице прохо[illegible] вторая линия трамвая, соединяющая город через Затьмацкую его часть с «Пролетаркой». Затьмацкая часть города замечательна тем, что с основания Твери и до 1861 г. каждую весну аккуратнейшим образом затоплялась водою речки Тьмаки, отделяющей ее от городской части. Только



Вид центральной части Пролетарской мануфактуры. Около труб — прядильный корпус.
Внизу снимка—полотно Октябрьской жел. дор.



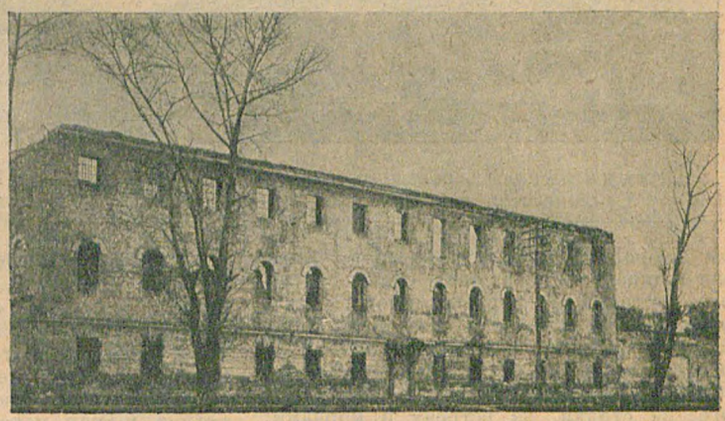
Центр города — площадь «Правды».

в 1862 г. городской голова Головинский, воспользовавшись пребыванием в Твери пленных поляков, обнес Затьмачье валом, чем и избавил его жителей от ежегодных наводнений. За это тверяки поставили ему памятник, но такой, какой, наверное, нигде еще не придумывали. «Неизобретательные на памятники тверяки»—говорит летописец—«придали этому памятнику форму надгробного камня». В самом деле только креста не хватает на круглой колонне высотою аршина в 3½. Вероятно, отцы города потом сами сконфузились своей работы. Только при Советской власти, Тверь, наконец, действительно украсилась 2 памятниками, сооруженными основателям I и III Интернационалов—Карлу Марксу и Ленину.

Тверь, как и другие старинные города, отличается обилием церквей (свыше 30 на 66 тысяч населения и два монастыря). Духовенство пользовалось большим весом и отличалось властолюбием. Еще во времена татарского владычества тверские епископы «плели ложные и хульные словеса» против московских митрополитов, сплетничая Константинопольскому патриарху. В 1831 году тверские семинаристы стреляли в сурового епископа Амвросия, за что преемник его «сдал в солдаты» 19 семинаристов. В эпоху социальной революции тверская епархия была долгое время ареной борьбы между архиепископом Серафимом (был арестован по делу Тихона) и епископом Борисом, а сейчас—между «старой и новой» церковью. Перевес, видимо, пока на стороне «старой».

Вихрь пронесшихся революций в общем не изменил физиономии города и не оставил почти никаких следов разрушения, за исключением сожженной народом в дни февральской революции губернской тюрьмы, которая к тому же в настоящее время является и единственным разрушенным зданием в городе. Что же касается самой жизни города, то только пролетарская революция всколыхнула и оживила тихую Тверь, в особенности в фабричном районе, который зажил новой общественной и культурной жизнью.

Ф. Ш.



«Памятник» революции. Единственное разрушенное здание в городе—тюрьма, где содержались «политические».

КУЧКУРДЯНЕ.

Рассказ *Виктора Финка.*

(Окончание*).

Кучкурдовы бабы засуетились у печи. Целые снопы соломы полезли туда один за другим, и старуха стала жарить, варить, печь, а Мыкола только покрякивал:

— Жарь, баба, жарь! Молчи та жарь!... Це Степанов начальник...

И через немного времени перед нами стояла громадная миска дымящихся жирных щей, громадная сковорода румяно поджаренного сала с луком и картошкой; другая сковорода с кислой капустой, жареной в сметане; миска вареников, миска пампушек, миска этаких маленьких крылышек из теста, жареных в сале; миска топленого масла; миска сметаны; горе «блинцов» и здоровая бутыль самогону. Ложки были поданы только для взрослых мужчин, дети же не смели присесть за стол, а, затая дыхание, ковыряли в носах, а бабы, также не садясь, издали наблюдали за порядком, и ждали приказаний.

О, изобилие! О, Аркадия, счастливая страна! О, кисельные берега! О, молочные реки! Только почему у самых источников ваших растут «сухие сволочи» и пшено с мусором?!

— Остапэ, бежи покличь дядькив!

Остапэ был младший внук Мыколы. Ему было лет пять.

Он вскочил в громадные дедовы сапоги, как в два ведра; третье ведро—деловскую баранью шапку напялил на голову до плеч и зашлепал. А вскоре прибежали дядьки и бабы торговать мои вещи.

Наволочка успеха не имела. Требовался граммофон или «фартоплян», нужны были столярные принадлежности для какого-то дядьки, а молодая шустрая бабенка потребовала зонтик и дамские дессу с «кружалом» (кружевами).

Но за парижские брюки с приглаженной линией я получил гуся. Живого гуся, жирного, откормленного, рожденного где то в изобилиях племени кучкурдян.

Гусь!

Страус, жираф, райская птица, антилопа или ручной леопард не были бы большей неожиданностью на моем скот-

*) См. «Огонек» №33.

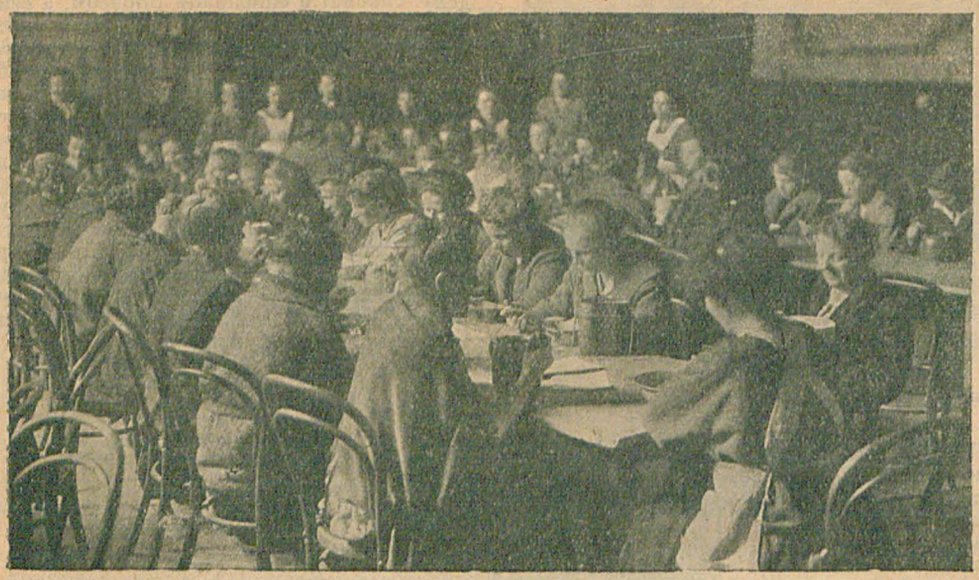
Гражданская война в Германии.

Фот. Д. Грауденц.

Похороны рабочего Си, погибшего в схватке с полицейскими во время последних волнений в Берлине.

Нужда в Германии.

Фот. Д. Грауденц.



Стремясь несколько облегчить тяжелое положение рабочих, Межрабпом устроил в Берлине столовые, в которых безработные получают бесплатные обеды.

ном дворе! Я предвидел зависть моих сослуживцев, я предвушал славу отважного охотника на горных орлов, я смаковал вкусное жаркое, я спэл на пуховой подушке из моих парижских полосатых брюк с проглаженной линией. Я чувствовал себя вознагражденным за тряску в дороге, за страхи, за встречу с мордами!

О, скорей бы только добраться до Военстройотряда Укркомгосоора. Там, на реках вавилонских мой гусь будет мне золотой арфой, на которой я сам себе буду играть, когда скорбеть будет моя душа!

Гусь! Гусь глаз моих! Гусь моего существования.

* * *

Однако, я заметил, что Степан, отлучавшийся куда-то с одним из дядек, успел возвратиться и упрямо бился с дядькой по рукам.

— Пять—кричал Степан.
— И восемь —кричал дядько.
— И шесть,—бац, по руке.
— И восемь,—бац, по руке.
— Давай гроши...

Тогда Степан снял сапоги и из самого снотворительного уголка мрачной портянки вынул тридцать семь рублей золотыми и серебряными монетами.

— Твоя корова!—сказал дядько, сам разулся и тоже запрятал монеты в золотой угол своей портянки.

Степан-дезертир купил корову.

Потом опять стали торговаться на восемьсот и «тыщу» «двадцатками» и я видел, как Степан упрятал в свою кассу тысячу рублей двадцатирублевыми «керенками», ни за что не желая принять одну «сороковку» за две «двадцатки». Степан продал шкуру коровы.

А кучкурдяне воевали с печенегами и не знали советских дензнаков.

Когда торг был окончен, на столе выросла еще одна бутылка.

Сидели чинно, говорили тихо,—потолковав о том, что наделал Нога (так звали атамана с изрезанной губой) и куда он ушел, потом заговорили на общие темы.

Кто-то сказал о свекловичном самогоне, что его не всякий одинаково выносит.

Кто-то промычал сочувственно:

— Именно!...

А Кучкурда Евлампий,—важный мужик, борода лопатой, свитка с шитьем,—степенно и по образованному добавил:

— Не всякий! Это как у кого аппарат внутренности!

Оглядел всех,—какое мол, впечатление,—помолчал и еще саданул из образованности:

— Кавказ природное место! Там все грузины вино пьют!..

Уже после таких слов никто говорить не посмел.

Тогда посидели не долго, а отточили ножи и пошли резать корову, а я остался со своим гусем.

Так час за часом, бутылка за бутылкой, миска за миской прошли ночь и день, и вечер в стране кучкурдян.

Наконец, мы тронулись в путь. Корова, разрубленная на части, лежала на возу, гусь был заткнут под брезент. Я зарядил винтовку, Степан зарядил обрез. У ветренных мельниц нас ждало еще пять телег с битыми коровами, со свиными тушами и мукой Все это должно быть продано в городе из под полы за лишние сотни бумажных тысяч.

Стараясь не проронить лишнего звука, мы двинулись шагом. Наш воз, как вооруженный, шел впереди. На последнем возу тоже было оружие.

Ночь гудела жуткой тишиной. Было холодно и неудобно сидеть и я предпочел идти пешком. Глаза привыкли к темноте и наш кортеж был виден ясно. Я вспомнил старинную фреску, виденную где-то в Нюрнберге: караван груженых возов медленно и тяжело передвигается ночью по большой дороге под охраной всадников в латах и кольчугах. Средние века.

И я—с орудием смерти в руках, охраняющий гуся! И мы,—печенеги с фортоплянами. Мировой пожар, «сухие сволочи», полторы тысячи жалования в месяц, двести рублей за стакан махорки, блокада, Антанта, золото за корову, «керенки» за шкуру, совзнаки за мясо, «промышленная милиция», гусь, страус, антилопа, винтовка за плечами.

За перелеском взвели курки,—опасное место. Шли тихо. Не дышали. Вдруг моя птица завопила благим матом.

Степан, стиснув зубы, засунул ей голову куда то в коровье сердце. Умолкла.

Но через минуты три она запела громче прежнего. Тогда Степан одним движением вытащил ее за клюв и, не успел я вмешаться, как он размозжил ей голову своим обрезом и со злобой бросил на телегу ее умолкнувшее тело.

Где-то послышался окрик: «стой!»

Мы выстрелили и пустили коней вскачь. Удрали.

Ехали долго. То шли крадучись, шагом, то рысью. Ехали всю ночь. Стало светать. Когда рассело — моего гуся не было больше, моего гуся не было больше,—он упал с воза во время погони!!!

Горькая обида забралась мне в душу.

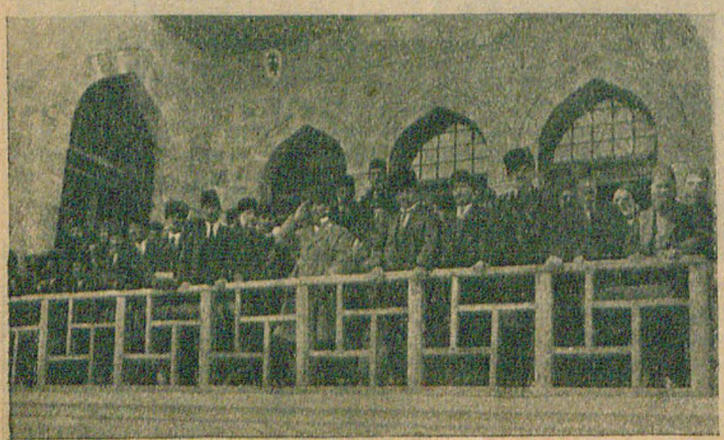
Будет время,—я верю,—когда никакие другие берега не будут допущены кроме кисельных и никакие реки, кроме молочных.

Но радость человеческая всегда будет хрупкой и ее всегда можно будет разбить.

Misérable de l'homme! Misérable de l'homme!

Виктор Финк.

Турция объявлена республикой.



Президент турецкой республики Мустафа-Кемаль паша произносит приветственную речь с балкона Национального Собрания.

Президент Турецкой республики.

Мустафа-Кемаль паша в национальном костюме.

Новый русский самолет „Конек-Горбунок".

На днях на Центральном Ходынском Аэродроме состоялось испытание нового учебного самолета, сконструированного инженером Хиони.

Этот самолет бипланного типа с мотором в 100 сил имеет 2 места (для ученика и летчика) и снабжен двойным параллельным управлением, т.-е. действующим одновременно для ученика и летчика.

«Конек-Горбунок» показал хорошие полетные качества и в недалеком будущем будет служить для обучения в наших авиошколах.

Инженер Хиони работает в области конструирования с 1909 года и за эти 14 лет организовал и заведывал двумя лучшими на юге России авио-школами.

Конструктор «Конька-Горбунка» Хиони (направо) и летчик Ревчинский.

Задавшись целью изменить способ управления учебными самолетами, где при старой системе бывало много катастроф, вследствие ошибок ученика, губившего и инструктора, Хиони изобрел аппарат, позволяющий на любом из учебных самолетов изменить способ управления.

Его аппарат, устанавливающийся на самолете любой конструкции учебного типа в течение одного часа, позволяет инструктору в любой момент лишить ученика управления, выключив его все, или частично (ручное, или ножное) и тем самым избежать аварии.

Таким образом, любой «упрямый» ученик делается абсолютно безопасным для инструктора, а время, затрачиваемое на обучение его, и в связи с этим изнашивание самолета сильно сокращается.

Этот аппарат уже испытан Научно-Техническим Комитетом Главвоздухфлота и признан наилучшим для этой цели. На нашей фотографии изображен конструктор Хиони (направо) и летчик, испытывающий самолет т. Ревчинский (налево) около «Конька-Горбунка». Хиони очевидно доволен тем, что его самолет уже принят и он снова может поехать в Одессу, где его ждет наипоследнейшая его конструкция—сын, родившийся в то время, когда счастливый папаша работал в Москве над сдачей самолета.

Н. Бб.

Помощь „Мопру".

От нашего одесского корреспондента.

Возы с хлебом, доставленные в пользу «Мопра», у ссыпного пункта на I-ой Гос. мельнице.

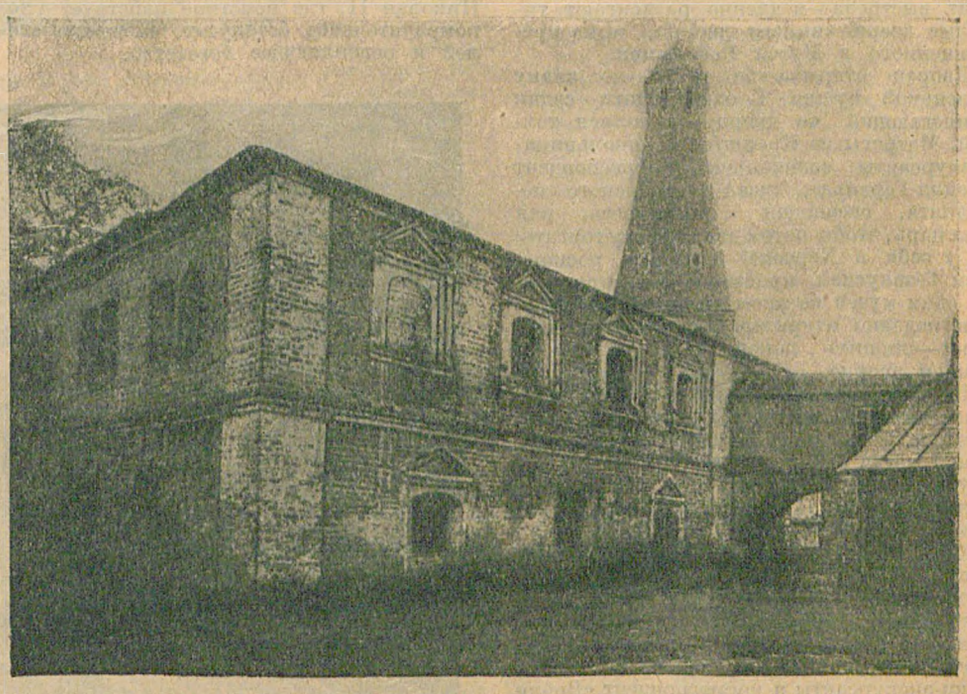
В конце сентября месяца с. г. немцы—колонисты Одесского и Николаевского уездов привезли на 70 подводах, собранные в пользу «Мопра» 2500 пудов зерна. На головных подводах развивались красные знамена. У скотобоен транспорт был встречен оркестрами рабочих Одесских мельниц.

На ссыпном пункте немцев-колонистов встречали рабочие, партийные и профессиональные организации. Выступавшие с речами благодарили крестьян за их братскую помощь, оказываемую мировому пролетариату.

В. Л.

Древнейшее здание Москвы.

Фот. архитектора Н. Д. Виноградова.



До настоящего времени самым древним гражданским зданием Москвы считалась Грановитая Палата, построенная в 1591 году, но по новейшим исследованиям пальма первенства в этом отношении принадлежит старой трапезной Симонова монастыря, у Рогожско-Симоновской заставы. Трапезная была построена в 1485 году и о ней знали только немногие знатоки старины. Летописи и архитектурный осмотр подтверждают эту дату. Это чисто итальянское произведение с итальянскими парными окнами, очевидно, построенное теми же мастерами, которые в это время строили кремлевские стены и башни. По конструкции трапезная представляет одностолбную залу на подклети. В 1677 году была выстроена новая громадная трапезная для монастыря, вследствие чего старая была совершенно забыта, но все же сохранила следы парадного обеденного зала. Очень жаль, что теперь здание заброшено, не ремонтируется (дает трещины), хотя, как древняя реликвия, должно было бы быть восстановленным.

В ПОКОЯХ РОМАНОВЫХ.

От нашего петроградского корреспондента.

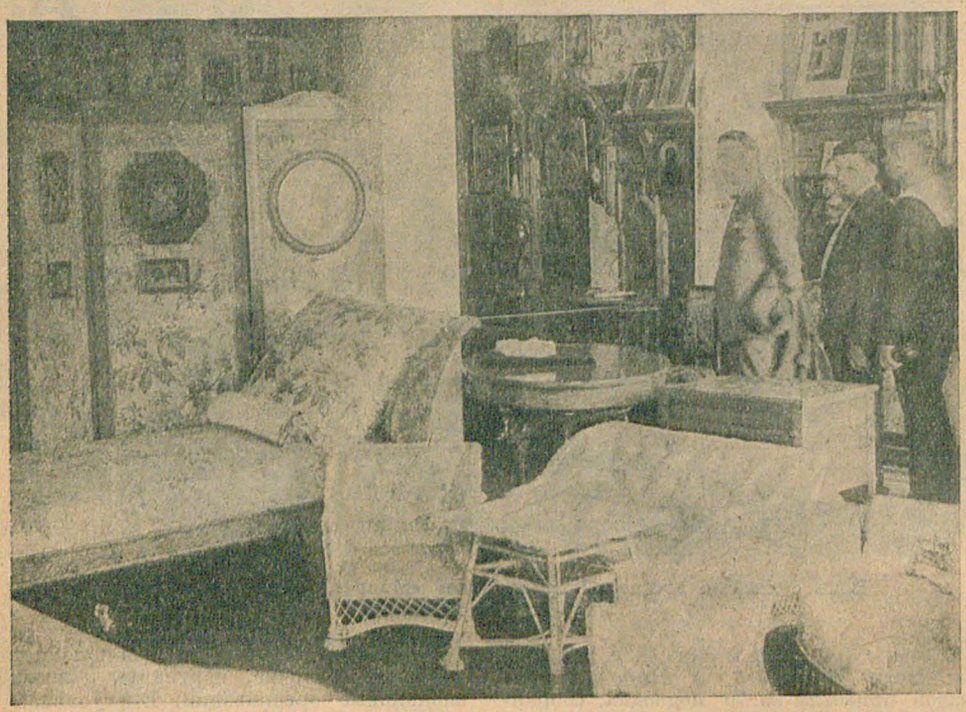
...Маленькая, старинная пушка в Петропавловской крепости разрешается холостым выстрелом,—легкий гром пролетает над Невой и, минуя Адмиралтейскую позолоту, несется к Невскому и дальше... 12 часов пополудня... Точно так же стреляла маленькая пушка и двадцать лет назад и пятьдесят, и еще раньше—с того времени, как выросла на игрушечном невском острове Петропавловская крепость...

Шестидесятилетние, бородатые служители—б. лакеи Николая II,—в момент выстрела—медленно раздвигают тяжелые двери зимнего дворца, ныне превращенного в Музей Революции.

Дворец открывается в 12—по знаку маленькой пушки. С одиннадцати—садик прилегающий ко дворцу—наполнен толпой. Матросы из Кронштадта, школьники-экскурсанты, специальный корреспондент «Дейли-Геральд», жена херсонского спекулянта, спешащая посмотреть, как жил царь, чтобы потом два года восторгаться у себя в Херсоне виденным роскошным безвкусием, приезжие и питерцы, — ни один музей не посещается так усердно, как недавно открытые для осмотра публики—«личные покои Николая II» в зимнем дворце...

Высокий бородач,—тридцать лет служил «комнатным» при дворце. Он знает каждую безделушку в царских комнатах, кем и когда она приобретена и по какому случаю... Он не отвык еще, входя в кабинет Николая II, вытягиваться «в струнку» и наклонять голову, говоря о какой нибудь вещи... Они все—эти бывшие «комнатные» и «швейцары»,—в качестве смотрителей, показывающие теперь публике «личные покои»—держат себя в «покоях» во много раз напряженнее публики. Матросы и дама из Херсона, школьники-экскурсанты и корреспондент «Дейли Геральд»—оживленно и громко критикуют или восторгаются, шутят, отпускают колкие замечания о б. царице... Но царские лакеи—молчаливы. Они стоят, вытянувшись у стен. Они привыкли «вытягиваться» в течение 30 лет... Им не легко отвыкнуть.

Покои Александра II и покои НиколаяII. Первые осматриваются публикой бегло,наспех. Александр II—это далеко, это не так интересно. Здесь—в «мужских комнатах» следы дряхловитости их хозяина. Почти нет безделушек, которыми полны комнаты Николая и его жены. В кабинете Александра II—зеленые столы, книги, папки. Относительно—«скромно». В покоях его жены Марии Александровны—следы определенного вкуса, выдержанность, но уже богатство поражающее, как в красной гостинной «барокко», отделанной муаром и бронзой.



Спальня Николая II и его жены. Кровать стоит за ширмой. Виден иконостас и пасхальные яички, подаренные Распутиным.

Выдержана и строга по стилю «спальня». Она является резкой противоположностью в этом смысле комнатам «Алисы», жены Николая II, где поистине царствует умопомрачительное безвкусие, смешение стилей и ослепляющее богатство.

Комната б. царицы Александры Федоровны. На стене видна пустая рама, из которой, ворвавшимися во дворец солдатами (в 1917 г.), вырезан портрет отца б. царицы—принца Гессенского.

Но в комнатах Александра II публика не задерживается. Тем паче, что эти покои и до Революции бывали открыты для публики, когда царская семья уезжала из Петрограда...

Торжественная «галлерея» ведет в покои последнего русского самодержца. Приемная Николая... Множество подарочных вещей, вывезенных им с Востока: японские ширмы, китайские вазы, изображения будды, коллекции корейских фигурок, клыки, амулеты, десятки фотографий самого Николая...

— Что делал здесь Николай?—интересуется публика.

— Да, ничего. Они здесь почти что не бывали. Это так, если кому нибудь дожидаться аудиенции,—отвечает лакей.

Интерес к приемной остывает. Дама из Херсона настойчиво спрашивает.

— А где же спальня? А корреспондент «Дейли Геральд» хотел бы скорее пройти в «личный кабинет».. Интригуют комнаты, где происходила интимная жизнь царя и его семьи. И потому—быстро проходят через биллиардную, на минуту задерживаются в, чудовищной по безвкусию и богатству, золотой гостинной, проходят десятки «оффициальных» комнат и останавливаются в «библиотеке». Здесь-полумрак. Без огня читать почти невозможно. Лакированные шкапы с книгами. Большинство книг на английском языке. Остальные—или религиозные или «географические». Различными изданиями «Евангелия» занят почти целый шкап. У камина лакированный темно-красный стол. Здесь Николай принимал министров с докладами. Во дни февральской революции за этим столом работал Керенский.

Из библиотеки ход в «умывальню и молельню». Они совмещены в одной комнате. Далее—личный кабинет НиколаяII... Смешение цветов, стилей,—торжество мещанства и богатства. На фиолетовом диване—разволоченные подушки. И рядом диван—канареечного цвета. На полу ярко-красный ковер. Темные стены.У окна стол в виде буквы «г», за которым Николай любил читать «евангелие».

В рабочей комнате Алисы—просто тесно. Некуда, положительно, шагнуть,—какая то выставка кресел, корзинок и золотых чайников. Неужели здесь жили и дышали среди такого богатого безвкусия, в окружении таких холодных и неуютных вещей? Да, именно, здесь. Ничто не изменено. Все

В РОМАНОВСКИХ ПОКОЯХ.

Уголок спальной Александра II и его жены Марии Александровны. Сидят: Г. Н. Никитин и И. О. Мельслер—дворцовые лакеи с 1887 г.

вещи расставлены так, как они стояли и при царской семье... И вот именно в этой комнате царица принимала Распутина и своих ближайших друзей.

Еще больший холод и еще большее безкусие в другой части женских покоев. В «серебреной гостинной» безвкусие достигает своего апогея. Здесь—серо-серебреные, мрачные кресла и диваны перемешаны с темно-коричневой немецкой бюргерской мебелью, которую б. царица получила в приданое и поставила именно в серебреной гостинной, не пожелав считаться с требованием стиля...

Наибольшее внимание публики вызывает спальня Николая II и его жены. Отделана она светло желтой материей с красными цветами... За ширмой — двухспальная кровать и перед кроватью — огромный иконостас.

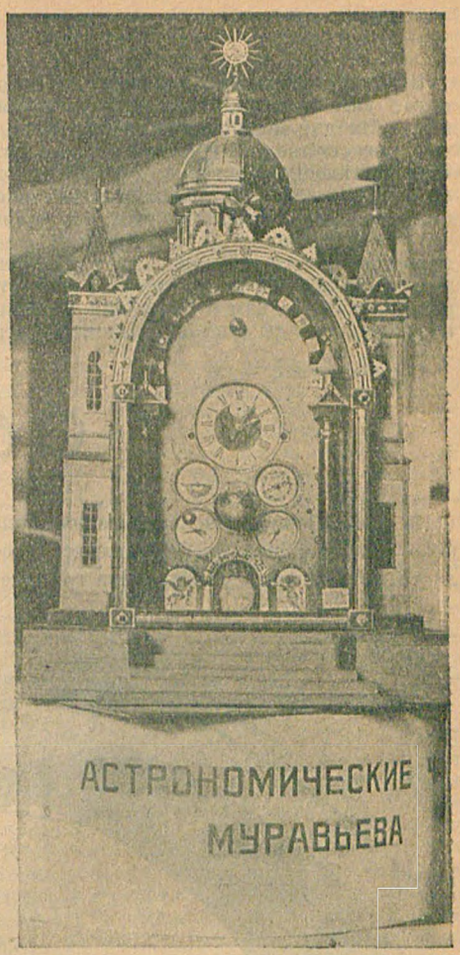
— От Распутина!—заявляет матрос.

У ширмы—детская мебель. Давно, давно приходили сюда играть царские дети по утрам...

После спальной — снова официальные комнаты — малахитовый зал, столовая, большой коронный зал... Потом—высокими, блистающими позолотой и гнетущими плохими картинами Айвазовского, корридорами—к «великолепию» иорданской лестницы—вниз, и в холоде мраморных сводов—к выходу на Дворцовую набережную, к черному гранату уже по настоящему великолепной Невы.

Э. М-н.

Астрономические часы Муравьева.



Научно астрономические часы строились с 1917 г. до 1923 г. Показывают время, суточное движение земли вокруг своей оси, день, ночь, утро, вечер, движение луны кругом земли, фазы луны, долготу дня и ночи, годовые движения земли вокруг солнца, высокосные и простые годы и знаки Задиака, дни и недели, месяцы и числы, панораму 5 картин русской революции 1917 г. Во время движения панорамы играет музыка Интернационал. Изобретатель крестьянин самоучка Василий Никитович Муравьев, Калужской губ., Юхановского уезда, Федотовской волости, дер. Булычева.

Архив „Огонька". — На восточном фронте.

От нашего пермского корреспондента

Зима 1919 года. Урал. Красная Армия, преследуя разбитые под Казанью и Ижевском банды белогвардейцев-учредиловцев, встретилась с войсками Колчака. Все мужчины встали под ружье, женщины пошли спешно рыть окопы. Окопы в снегу тогда еще оказывали большую помощь в борьбе с плохо вооруженным противником. Снимок сделан с женщин села Елова, Омского уезда, Пермской губернии, спешно сооружающих окопы у своего села.

О поэтах*).

2. Кто же они такие?

Очерк *О. Мандельштама.*

Встреча в редакции тяжелого, допотопного, уже не существующего ежемесячника. Входит милый юноша, хорошо одетый, неестественно громкий смех, светские движения, светское обращение совсем не к месту. Надышавшись табачного дыму уже собираясь уходить, он словно что то вспоминает и с непринужденностью обращается к бородатому, одурманенному идеологией и честностью редактору:—А скажите, вам не подошли бы французские переводы стихов Языкова?— Глаза у всех раскрылись—было похоже на бред. Он пришел сюда предложить французские стихи и притом переводы Языкова. Когда ему пролепетали вежливое—ненужно, он ушел веселый и ничуть не смущенный. Дикий образ этого юноши мне запомнился надолго. Это был какой-то рекорд ненужности. Все было ненужно: и Языков ему, и он журналу, и французские переводы Языкова России. Не знаю легко ли ему ходить по людям с таким товаром, но он отверженный, он щеголь и гордится этим.

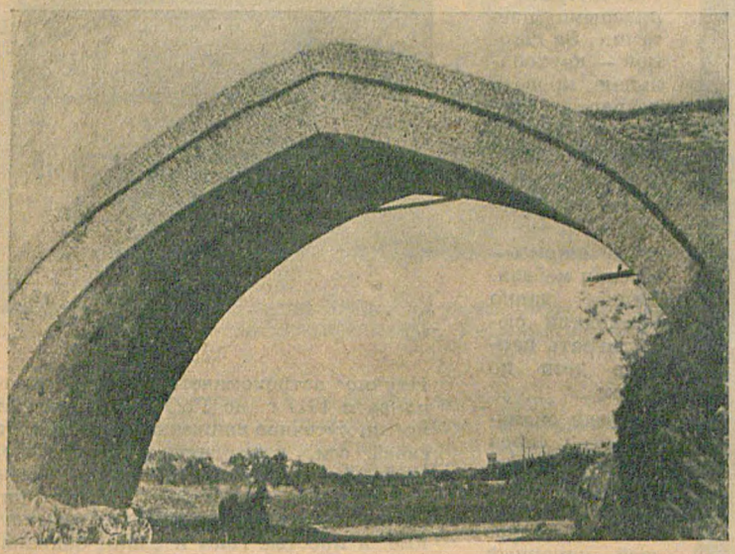
Однажды я застал у себя в комнате мрачного, очень взрослого человека. Он стоял в шляпе с толстым портфелем, решительный, тяжелый и глядел с неприязнью. Ни тени приветливости, ни улыбки, ни даже обыкновенной просьбы не выражало его лицо: лицо враждебное и ненавидящие глаза. С сосредоточенной враждебностью он сообщил, что его многие слушали или одобрили «из вашей компании», как он выразился с оттенком презрительности и вдруг уселся, вытащил из портфеля 5 клеенчатых тетрадей: — У меня есть драмы, трагедии, поэмы и лирические вещи. Что вам прочесть? Обязе-

*) См. «Огонек», № 33.

Обуздание зверя.

От нашего самаркандского корреспондента.

На реке Зеравшане, омывающей большую часть территории Самаркандской области, устроен вододелитель. Эта грандиозное сооружение, потребовавшее громадных затрат, имеет важное значение для местного сельского хозяйства.



Древняя арка, построеная несколько сот лет Тамерланом. Предполагают, что это часть грандиозного моста через Зеравшан (ныне река течет в другом направлении). По другой версии; это сооружение—часть вододелителя.

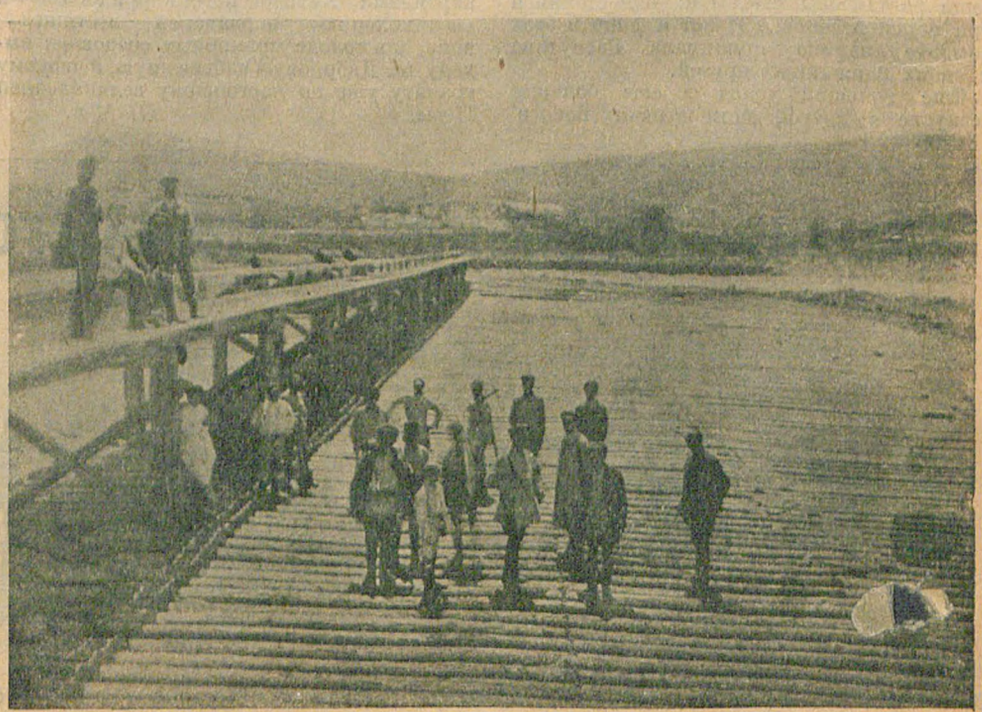
На дожди, подобно русскому крестьянину, здешний дехканин (земледелец) не расчитывает, так как с половины мая и до глубокой осени в области почти не выпадает ни одного дождя. Для орошения земли с незапамятных времен существует здесь искусно устроенная система арыков.

Захочет и помчится Зеравшана в одну сторону, унося всю свою водную мощь в Бухару. И тогда бухарский крестьянин благославляет Зеравшан. Но зато много деревень самаркандской области остается тогда без воды и урожаи хлопка и пшеницы обречены на гибель. Но вдруг Зеравшану заблагорассудится для разнообразия переменить свое русло. Тогда получается другая картина. Обреченные было на верную гибель самаркандские поля орошаются водой и оживают, в соседней же Бухаре ощущается недостаток воды. Нередко, в сильно жаркие дни, когда горные ледники выделяют много воды, Зеравшан вдруг промчится бурным неумолимым валом по самаркандским полям, вырывая с корнем насаждения, срывая мосты и дамбы, обрекая многочисленные кишлаки на голод.

Недалеко от Самарканда, где устроен теперь вододелитель до сих пор сохранились так наз. «ворота Тамерлана». Судя по массе камней возле этих ворот, можно предполагать, что несколько сот лет назад Зеравшан бежал по этому месту, направляясь к западу.

Сооруженный ныне вододелитель регулирует течение воды, направляя ее по двум руслам Ак-Дарья и Кара-Дарья по мере надобности, то в то, то в другое, устанавливая тем нормальное орошение зеравшанской волной бухарские и самаркандские культуры. Из одного русла Кара-Дарьи берут начало 34 арыка, которые орошают около 60.000 десятин. Из другого русла Ак-Дарьи вода орошает площадь около 35.000 десятин. Бухарская часть долины по договору получает одну треть воды Зеравшана. Для исчисления этой части имеются особые водомерные посты. Зеравшанская вода проходит в Бухарские долины площадью 25.000 дес. через арык Нарнай.

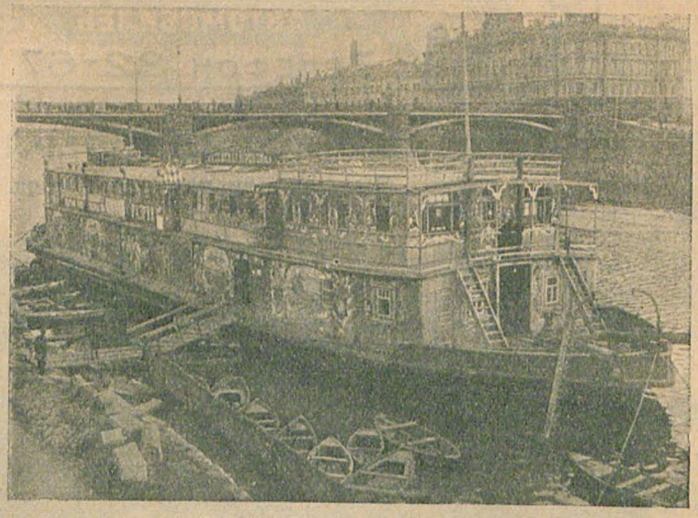
На сооружении работала не одна сотня рабочих, чем в значительной мере был разряжен в Самарканде кризис безработицы. Работы велись несколько месяцев и окончились в июле. Но Зеравшан не примирился с ролью побежденного. Через несколько недель, накопив сил, он налег всей грудью на затеи человека, прорвал плотины и вновь побежал, выбирая себе живую дорогу, свободный, страшный, брызжа пенистой волной. Снова потребовалась сотня рабочих на укрощение Зеравшана. Теперь он снова усмирен и спокойно бежит в указанных человеком берегах.



Работы по запруживанию Зеравшана, метнувшегося в сторону от намеченного фальватера. Стоит—главный руководитель работ инж. Успенский (X).

КЛУБ НА ВОДЕ.

Фот. М. Гальперина.



Внешний вид агро-баржи.

Возле Москворецкого моста расположилась агро-баржа, принадлежащая Агро-части Упр. внутр. водных путей. Баржа эта прибыла с Волги и представляет собой очень интересное агитационно-агрономическое начинание. Снаружи она ярко изукрашена боевыми сельскохозяйственными и политическими лозунгами и несколькими декоративными рисунками.

Внутри расположен огромный зрительный зал, вмещающий до тысячи человек зрителей и приспособленный под агит-спектакли, киносеансы, выступления лекторов и пр. На верхнем этаже баржи ряд прекрасно оборудованных, но не вполне еще использованных, кают. В пяти из них хороший агрономический музей, дающий не мало образцов и моделей, большое количество сравнительных диаграмм, статистических плакатов и т. п.

Баржа прекрасно посещается. Так, за первые 4 дня стоянки ее на Москва-реке, она пропустила свыше четырех тысяч посетителей. Назначение такой агро-баржи понятно каждому, ибо не только значительна ее агитационная ценность, но и важно отметить то, что в смысле подачи широкой агрономической помощи, она свободно может обслуживать системы рек Москвы, Волги, Оки, Камы, Мариинскую систему до Петрограда и Сев. Двину.

Б. Б.

тельно прочесть вслух. Обязательно немедленно. Требование и все та же непримиримая ненависть.—«Я не знаю чего вам нужно, на какой вкус вам нужно. Вашей компании нравилось. Я могу на разный вкус». Когда его тихонько выпроводили, у меня осталось впечатление, что в комнате побывал сумасшедший. Но я ошибся: то был разумный, взрослый человек, отец семейства, по образованию техник, но неудачный, инженерию забросил, где то служит, кормит семью, но иногда на него «находит» из тяжелой, звериной ненавистью, обращенной даже на собственные кожаные тетради, он врывается в чужие жилища, требует, чтобы его похвалила какая то «компания», чтобы ему кто то помог и признал. С ним нельзя говорить. Он оскорбит и хлопнет дверью. С ним разговор закончился бы где нибудь в пивной буркой исповедью и слезами.

Еще один: голубоглазый, чистенький, с германской вежливостью, аккуратностью приказчика и шубертовской голубой дымкой в глазах. Его приход не уродлив в нем нет ничего насильственного и безобразящего человеческое общенье. Просто, слегка извиняясь, оставляет детскую, каллиграфическую рукопись. И что же?—в убогих строчках, косноязычных напевах—благородный дух германской романтики, темы Новалиса, странные совпадения, беспомощные создания подлинно высокого духа. Он приказчик в нотном магазине, был настройщиком, полу-немец. Да читайте же Новалиса, Гика, Брентано. Ведь есть же целый мир, которому вы, кажется, сродни.—Не читал, не догадался, предпочитает писать. Этот или излечится совсем от высокой болезни, или станет настоящим читателем.

Молодой человек в голодное время ходил к классическому поэту и читал ассирийские стихи. Чтобы заставить себя слушать, он приносил сахар. Будучи убежден, что все вообще ерунда и что все можно подделать—ассирийскую мифологию и сахар он приносил в дар поэту. Он стеснялся бедности и всяческого убожества—он поддерживал самоуважение и странными своими жертвоприношениями. Судьба подняла его очень высоко—сейчас у него международное бюро для марочных колекционеров. Он сохранил только скептицизм, неуважение к своему ассирийскому учителю и убежденье, что все можно подделать.

Стихотворцев в Москву и Петербург шлет Сибирь, шлет Ташкент, даже Бухара и Хорезма. Всем этим людям кажется, что нельзя ехать в Москву с голыми руками, и они вооружаются чем могут—стихами. Стихи везут вместо денег, вместо белья, вместо рекомендаций, как средство завязать сношения с людьми, как способ завоевать жизнь. Ребенок кричит оттого, что он дышит и живет, затем крик обрывается начинается лепет, но внутренний крик не стихает и взрослый человек внутренне кричит немым криком, тем же древним криком новорожденного. Общественные приличия заглушают этот крик—он сплошное зияние. Стихотворство юношей и взрослых людей нередко этот самый крик—атавистический, продолжающийся крик младенца.

Слова безразличны—это вечное я живу, я хочу, мне больно.

Он приехал из Иркутска, из рабочих, большое самолюбие, не боится правды, если ему говорят плохо, он привез не стихи, а сплошной крик, ему кажется это похоже не то на Маяковского, не то на каких то имажинистов. Ни на что не похоже. Короткие строки, два три слова, дробит, грызет, захлебывается, душит, неистовствует, затихает, опять куда то громоздится, ревет слова безразличны, слова непослушны, все выходит не так, как он хочет, но слышен в них древний рев: я живу, я хочу, мне больно, и, может быть, еще одно уже от взрослого и сознательного человека—помогите. Таких как этот—десятки тысяч. Они—самое главное—им нужно помочь, чтобы они перестали кричать, когда для них будет кончено со стихами—этим атавистическим ревом, начнется лепет, начнется речь, начнется жизнь.

Я спрашиваю—как они сами себя слышат—ведь это очень важно—все зло в том, что они себя оглушают, дурманят звуком собственного голоса, кто просто орет, не считаясь с синтаксисом, чувством и логикой,—кто подпевает в нос, кто бормочет, раскачиваясь на арабский лад, кто выдумал ре читативную себе погудку и запевает под мелодическую сурдинку. Смотришь на листок бумаги и думаешь—ведь неглупый человек написал—как он может в этом что нибудь находить? Но послушаешь, как он это читает—литургия, про-

---

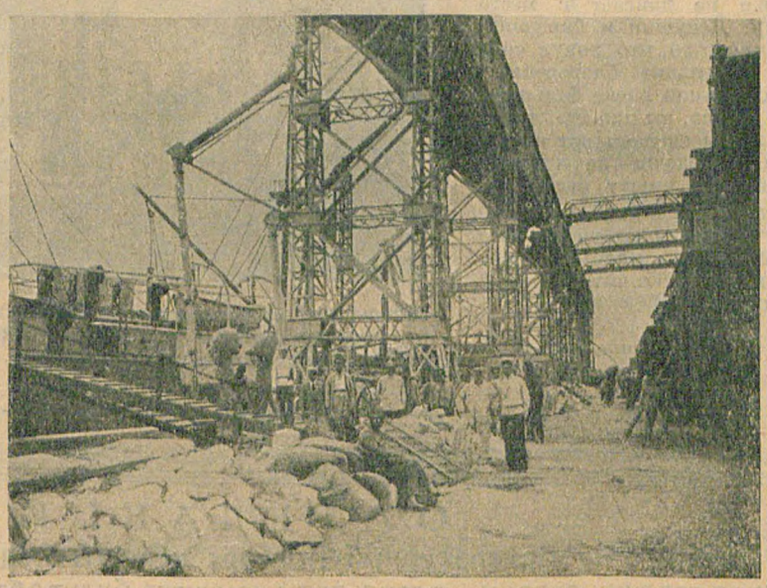
За зерном.

От одесского корреспондента «Огонька».

Идут!

Бегут в Одесский порт «красные», советские вагоны, груженые зерном. По данным управления порта на 23 октября в портовых складочных помещениях имелось 1.249.949 пудов зерна, в Пересыпских—2.032.822 пуда зерна. На это же число в порту еще стоит неразгруженными 217 вагонов зерна.

Бегут вагоны. Наливаются зерном склады «Хлебопродукта». И каждый день приходят два—три иностранных гиганта, всасывающих в трюмы свои советское зерно.



Погрузка зерна «Хлебопродукта» Николаевским элеватором.

Вот высится громада голландского парохода «Мария». Этот пароход уже 4-й раз приходит в порты Черного моря за хлебом.

Одесса и Николаев днем и ночью грузят иностранные и русские пароходы хлебом.

А впереди еще самая главная работа. Теперь—экспорт идет, главным образом, из замерзающих портов, но когда наступят холода, когда пойдет по морю «ледяное сало»—главными портами для экспорта явятся Одесский и Николаевский.

А пока—готовятся к страдной работе незамерзающие порты. Через Одессу и Николаев «Хлебопродукт» должен вывезти 9 миллионов пудов зерна.

Д. Маллори.

Искусство Запада.

Маршэлла Рифлинг-Гай, юная норвежская пианистка, выступающая сейчас с большим успехом в скандинавских столицах.

рок, носовые звуки, уже на русскую речь непохоже—до того торжественно. Сохранившаяся эсеры напирают на окончание прилагательных—анный, онный, любители грубых стихов на новый лад читают словно ругаются, наступая на слушателей с проклятием и угрозой. Ну, конечно:—голос—рабочий инструмент, без погудки нельзя, она что рубанок. Голосом, голосом работают стихотворцы. Правильно. Но голос этих людей их собственный враг. С таким голосом ничего не сошьешь, не сладишь.

Другая черта—жажда увидеть себя напечатанным, хоть где нибудь, хоть как нибудь. Убеждены— вот напечатают и сразу начнется новая жизнь. Ничего не начнется. Печатанье не событие, даже хорошее стихотворенье не двигает с места литературных гор. Девушки и барышни, рукодельницы стихов, те, что зовут себя охотно Майями и хранят благоговейную память о снисходительной ласке большого поэта. Ваше дело проще, вы пишите стихи, чтобы нравиться. А мы сделаем вот что:—заговор русской молодежи—не глядеть на барышень, которые пишут стихи.

А кто же будет писать стихи? Да разве на это вообще нужно разрешенье—все мы носим ботинки, а ведь мало кто шьет башмаки. А многие ли умеют читать стихи? А ведь пишут их почти все.

О. Мандельштам.

Красные командиры-летчики.

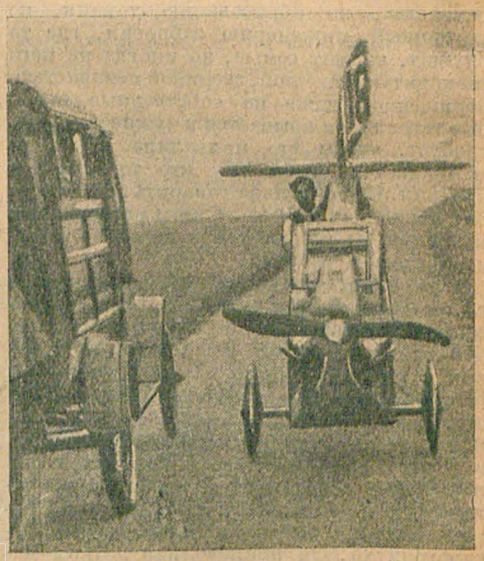
Высшая авиационная школа.

Учеба (сначала гимнастика, а потом полеты).

Красные командиры-летчики.

Школьные мастерские высш. авто-школы, получившие задание построить самостоятельно самолет к январю 1924 г.

Новое в авиации.



Самый маленький самолет в мире.—Новая американская модель воздушной мотоциклетки.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В виду того, что на Литературный Конкурс **«Огонька» № 1** продолжают поступать рукописи из далеких окраин—результаты конкурса будут объявлены в **№ 36 «Огонька»**.

Издатель *„Мосполиграф“*. Редактор *М. Е. Кольцов.*

Москва. Главлит № 15571. „Мосполиграф“ 16-я типография, Трехпрудный, 9. 50.000 экз.

ВЯЗНИКОВСКОЕ

Об'единение Льняных Фабрик

(2-е Льноправление)

ПРЯЖА ЛЬНЯНАЯ,
НИТКА ЛЬНЯНАЯ,
ШПАГАТ ПЕНЬКОВЫЙ,
ТКАНИ ЛЬНЯНЫЕ,
МЕШКИ,
БРЕЗЕНТЫ.

ПРАВЛЕНИЕ
В МОСКВЕ.

Ипатьевский пер.,
дом № 14.
ТЕЛЕФОНЫ:
69-84 и 56-70.
Телеграфный адрес:
„ЛЬНОТРЕСТ".

Торговые склады:

Москва, Хрустальный пер.,
Старо-Гостиный Двор, № 109.
Телефон 56-61.

Харьков, Московские Ряды,
№ 21.

Киев, Пушкинская, 3,

и во всех отделениях Всероссийского Текстильного Синдиката.

ПРОДАЖА повсеместно производится ПО ФАБРИЧНЫМ ЦЕНАМ

с надбавкой лишь действительной стоимости провоза.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРАТКОСРОЧНЫЙ САХАРНЫЙ ЗАЕМ.

5-го сего ноября НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ СССР приступает к реализации краткосрочного сахарного займа.

ЗАЕМ ВЫПУСКАЕТСЯ

на основании постановления СТО от 27 X 1923 г. на сумму **1.000.000** п. рафинада в облигациях достоинством в **10** фунт., **1** пуд, **5** пуд. и **25** пуд. каждая.

ПОГАШЕНИЕ ЗАЙМА БУДЕТ ПРОИЗВОДИТЬСЯ

с 1 февраля 1924 г. **рафинадом** в течение **трех** месяцев, до 1 мая 1924 г., а после означенного срока — до 1 июля — деньгами, по среднерыночной цене на сахар-рафинад.

ЦЕНЫ на облигации сахарного займа устанавливаются (в черв. руб.).

за облигацию в	10 фун.	— 3 р. 50 к.	(стоимость	1 п.	— 14 р. — к.)
,,	1 пуд.	— 13 р. 25 к.	,,	1 п.	— 13 р. 25 к.
,,	5 ,,	— 62 р. 50 к.	,,	1 п.	— 12 р. 50 к.
,,	25 ,,	— 287 р. 50 к.	,,	1 п.	— 11 р. 50 к.

Подписка на заем принимается в Москве:

в правлении, конторе и агенствах Госбанка, в Торгово-Промышленном Банке, Всероссийском Кооперативном Банке, Московском Городском Банке, Российском Коммерческом Банке, а также в государственных трудовых сберегательных кассах и обществах взаимного кредита.

Подписка на заем на местах принимается:

в кассах губернских отделов Наркомфина в городах: Витебске, Владимире, Вологде, Воронеже, Вятке, Гомеле, Иваново-Вознесенске, Калуге, Костроме, Нижнем-Новгороде, Новгороде, Орле, Пензе, Перми, Петрограде, Пскове, Рязани, Самаре, Саратове, Симбирске, Смоленске, Тамбове, Казани, Твери, Покровске, Туле, Царицыне, Череповце, Ярославле, Минске и Ростове на Дону.

ПОДПИСКА НА ЗАЕМ БУДЕТ ПРОИЗВОДИТЬСЯ с 5-го по 19-ое сего ноября включительно.

ПРИ ПОДПИСКЕ ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖЕЙ на 10 дней при условии взноса при подписке половины стоимости.

ПЛАТЕЖИ ПРОИЗВОДЯТСЯ ПО ЕЖЕДНЕВНОМУ КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

ПОГАШЕНИЕ ЗАЙМА БУДЕТ ПРОИЗВОДИТЬСЯ в Москве и вышеперечисленных городах.

Наркомфин **Г. СОКОЛЬНИКОВ.**

Начальник Валютного Управления **Л. ЮРОВСКИЙ.**